

Книга IV

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 4.

Апрѣль.

1900 г.

ТИФЛИСЪ

Скоропечатня М. Мартиросянца, Михайловскій просп., № 81.

1900

Путешествіе въ страну пшавовъ, хевсуръ, кистинъ и ингушей.

(Лѣтомъ 1897 г.).

Уже въ началѣ лѣта 1890 г. я пытался попасть въ Хевсурію. Но тогда было еще слишкомъ рано путешествовать по хевсурскимъ Альпамъ Переваль Ацунта (12,200'), черезъ который ведетъ дорога изъ Тушетіи въ Хевсурію, былъ еще покрытъ такой массой снѣга и скользкаго льда, что даже отважные тушинскіе и хевсурскіе охотники не рѣшались перебираться черезъ него. Въ началѣ іюля 1897 г. я снова собирался въ Хевсурію, но уже по другой дорогѣ, а именно: по верховьямъ р. Іоры; однако, въ Тіонетахъ сообщили мнѣ, что всѣ мосты снесены весеннимъ половодіемъ и дороги испорчены. Теперь оставался еще одинъ путь по пшавской Арагвѣ, которымъ я и воспользовался.

Мѣстечко Тіонеты, гдѣ кавказская стрѣлковая бригада лѣтомъ стоитъ лагеремъ вмѣстѣ съ саперами, лежитъ отъ Тифлиса на разстояніи 75 верстъ, такъ что на почтовыхъ легко можно попасть туда въ одинъ день. Путешественнику приходится по этой дорогѣ перевалить черезъ три горныя цѣпи. Черезъ высочайшую изъ нихъ ведетъ Сабадурскій переваль (4,800'). Проѣхавъ сперва черезъ раскаленную сѣро-желтую степь, простирающуюся къ сѣверу отъ Тифлиса, на лѣвомъ берегу Куры. Тамъ въ это время года очень скудная растительность, природа какъ будто вымерла. Единственными представителями растительнаго

царства еще остались *Artemisia*, *Glycyrrhiza*, *Tamarix*, *Alhagi camelorum*, нѣкоторые *Euphorbiae*, *Astragalus* и колючіе кусты *Paliurus*. Но уже у Авчалъ, въ особенности, когда мы заворачиваемъ въ долину Глданки, нашимъ взорамъ открываются виды на прекрасные фруктовые сады, а скоро вдали, по склонамъ горъ, показывается также и лѣсъ, который, чѣмъ выше поднимаемся, тѣмъ становится роскошнѣе. Самый чудный высокій лѣсъ покрываетъ хребетъ Сабадурскаго перевала. Крѣпкій дубъ, чинаръ, также и кленъ распространяютъ пріятную тѣнь и прохладу. Они укоренились въ жирной глинистой почвѣ, черезъ которую мѣстами пробиваются мощные слои мелкаго булыжника, величиною съ кулакъ. По немъ можно сдѣлать заключеніе, что эти мѣста когда-то были покрыты водой и потомъ приподняты. Эта глина съ булыжникомъ ни въ сухую, ни въ сырую погоду не представляетъ изъ себя благопріятной почвы для дороги и насъ на перекладной порядкомъ трясло. Тутъ рядомъ съ здоровыми и сильными деревьями попадаются также многія съ испорченными верхушками, а другія, долгое время стоявшія противъ вѣтровъ, бурею всетаки преклоненныя къ землѣ, тѣ же, верхушки которыхъ выше другихъ поднимались къ небесамъ, поразила молнія. Переваливъ широкій хребетъ, мы спустились по крутому склону въ плодородную равнину Эрцо (160—180 м^в), окаймленную высокими горными цѣпями. Въ многочисленныхъ деревняхъ этой густо населенной и плодородной мѣстности живутъ грузины и пшавы. Въ одной деревнѣ, Хевсурисъ-Сопели, поселились хевсуры, въ другой, Тарчія-Гури, живутъ кистины. Также и сектанты духоборы пріютились тутъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ. На далекое разстояніе отсюда виднѣется бѣлая лента шоссейной дороги; раздѣливъ равнину на двѣ неравныя части, она, наконецъ, длинными зигзагами подымается къ перевалу Сакарауло (3,444'). Оттуда уже мы спускаемся въ Тіонетскую равнину (30—40 м^в), образуемую р. Іорой и ея притоками (главный изъ нихъ р. Куско.¹⁾ Несмотря на свое сравнительно невысокое положеніе надъ уровнемъ моря равнина эта суровая вслѣдствіе близости высокихъ горъ и доступа холодныхъ вѣтровъ. Поэтому она и менѣе плодородна и менѣе обработана, чѣмъ Эрцойская равнина. Кромѣ того, р. Іора, вытекающая изъ Главнаго хребта, съ г. Борбало, не благопріятствуетъ

¹⁾ Одинъ маленькій притокъ, вытекающій изъ Бочормисъ-Тави, сильно отзывается нефтянымъ запахомъ. Тамошніе жители говорятъ, что въ этой рѣчкѣ, во время полнолунія, правильно прибавляется вода.

правильной постановкѣ земледѣлія, такъ какъ во время половодія затопляетъ поля и уноситъ много земли. Притомъ большое пространство, служащее военнымъ цѣлямъ, вовсе не обрабатывается.

М. Тіонеты лежитъ на высотѣ 3,624' надъ моремъ среди красивыхъ окрестностей. Покрытые лѣсомъ холмы и горы со всѣхъ сторонъ замыкаютъ горизонтъ. На с. поднимаются предгорья Главнаго хребта, какъ то Шушанисъ-Ваке и Сузумбатъ на с.-з., Удило, Дамасте, Чіатуры, Эліасъ-Нише (отъ 6,000—8,000') на с.-с.-в., а за ними уже болѣе высокія вершины Мта-Цминда и Массарисъ (выше 10,000'). Съ дома уѣзднаго начальника, г. А. М., принявшаго насъ съ чисто грузинскимъ гостепріимствомъ и съ замѣчательной любезностью, мы наслаждались этой богатой панорамой. Тутъ же мы попали на грузинскія крестины и устроенное по этому поводу торжество. Моимъ спутникамъ, иностранцамъ, еще недавно пріѣхавшимъ на Кавказъ, не мало удовольствія доставили оригинальныя пѣсни и танцы, а также рѣчи и распоряженія „толумбаша“²⁾ или „тамады“.

На слѣдующее утро намъ съ далекаго пастбища привели верховыхъ и вьючныхъ лошадей и въ полдень, наконецъ, все было готово къ отъѣзду. Такъ какъ съ нами ѣздилъ приставъ (кн. Д.) съ урядникомъ и чапарами и намъ для багажа понадобилось еще четыре вьючныхъ лошади, то число лошадей дошло до 12-ти. Мы направлялись къ долиנѣ пшавской Арагвы, отдѣленной отъ долины Іоры значительнымъ горнымъ хребтомъ, покрытымъ лѣсомъ. Въ населенныхъ грузинами и пшавами деревняхъ Джиджетахъ, Тушурахъ (Земо-Тіонеты) и въ Сариціантъ-Кари мы, какъ и раньше на Эрцойской равнинѣ, воочию убѣдились въ томъ, что здѣшніе пшавы гораздо больше цивилизованы, чѣмъ пшавы, обитающіе въ верхнемъ теченіи пшавской Арагвы и въ долинѣ рѣки Стори. Больше всего это видно по чистенькимъ домамъ, крыши которыхъ снабжены фронтонами и крыты черепицею. Въ полисадникахъ, окружающихъ дома, и на пашняхъ замѣтенъ тщательный уходъ. Но только матеріаль, изъ котораго они тутъ строятъ дома, не прочный; плохая известь еле, еле скрѣпляетъ неотесанные камни, такъ что стѣны легко разрушаются. Самъ народъ, какъ мужчины, такъ и женщины, производятъ впечатлѣніе, будто у нихъ умъ болѣе живой, чѣмъ у другихъ горцевъ. Миновавъ с. Тушури, мы заворачиваемъ на с.-з. и под-

²⁾ Слово позаимствовано съ татарскаго языка: той—ираздникъ, башъ—голова.

нимаемся по роскошному листовенному лѣсу къ довольно высокому перевалу. Затѣмъ начинается довольно крутой спускъ къ Арагвѣ. Грабъ, ясень, клень и липа раскинули тутъ свою тѣнистую листву надъ дорогой, такъ что до высокаго кустарника, растущаго у подножія этихъ деревьевъ, какъ то: кизила, мушмулы, лещины и др., дневный свѣтъ пробивается съ трудомъ. Въ срединѣ мы натолкнулись на довольно большую группу одичалыхъ фруктовыхъ деревьевъ, тутъ же мы замѣтили остатки построекъ. Когда то здѣсь была пшавская деревня. Но „кадаги“, т. е. предсказатели, возвѣщающіе волю Божью и пользующіеся большимъ почетомъ, объявили, что селеніе на этомъ мѣстѣ почему то Божеству не нравится. Это побудило жителей, во избѣжаніе гнѣва Божьяго, оставить деревню. Но прежде они еще воздвинули „нишу“ (отъ груз. слова „нишани“, т. е. знакъ, памятникъ), у которой разъ въ году жители окрестностей собираются и приносятъ жертвы. Такая „ниша“ обыкновенно состоитъ изъ возвышенія, сложеннаго изъ камней, имѣющаго квадратное основаніе и 3—4 футовъ высоты. На передней сторонѣ находится углубленіе въ видѣ окна. „Ниши“ большею частью посвящаются св. Георгію, Тамарѣ и св. Ильѣ. Большія святыни, о которыхъ мы еще поговоримъ, называются „джвари“ (т. е. крестъ). Такія святыни часто находятся въ срединѣ рощи; въ Тушетіи же, гдѣ лѣсъ рѣдко попадаетъ, онѣ почти всегда стоятъ на открытомъ полѣ.

Но вотъ уже открывается передъ нами видъ на долину пшавской Арагвы. Мы проѣзжаемъ черезъ маленькую населенную пшавами деревню Гушарани, окруженную цѣлымъ лѣсомъ громадныхъ орѣшниковъ. Скоро мы очутились у самой рѣки и по долинѣ ея, проѣхавъ, уже въ сумерки, верстъ десять, прибыли въ м. Магаро, гдѣ остановились на ночлегъ. Эта большая пшавская деревня раскинулась на правомъ берегу рѣки отдѣльными усадьбами по склону высокаго хребта. Это и составляетъ особенность пшавскихъ поселеній по нижнему теченію Арагвы, что онѣ, въ отличіе отъ другихъ, разбросаны на далекомъ разстояніи. Церковь и канцелярія расположены въ самой долинѣ при впаденіи Магаросъ-Цкали въ Арагву. Подъ большимъ орѣшникомъ мы разбили палатку. Сейчасъ же послѣ пріѣзда нашего разразилась гроза съ сильнымъ дождемъ, который лилъ до слѣдующаго утра, такъ что при плохихъ дорогахъ нельзя было и думать о продолженіи пути и надо было переждать переменъ погоды. Невольнымъ отдыхомъ мы воспользовались и стали обозрѣвать окрестности и собирать разныя свѣдѣнія о пшавахъ.

По близости съ православной церковью въ Магаро, на склонѣ горы, раскинута священная роща, въ которой я, къ своему удивленію, нашелъ очень высокіе кусты кавказской пальмы (*Buxus sempervirens*), которой въ другихъ мѣстахъ этой долины нигдѣ не встрѣчалъ. За этой рощей, въ тѣни старыхъ буковъ и ясеней, расположена „ниша“ царицы Тамары, прославленное у пшавовъ святилище. Это что то вродѣ часовни, вышиною въ $1\frac{1}{2}$ сажени съ пирамидальной крышей. Внутри это помѣщеніе, къ которому со всѣхъ четырехъ сторонъ ведутъ сводчатые отверстия, совершенно пусто; но рассказываютъ, что прежде тамъ висѣли колокола деканозовъ, т. е. хевсурскихъ жрецовъ. Вблизи, въ землѣ, находятся большія глиняные кувшины, въ которыхъ сохранялось вино на праздники. Рядомъ съ этимъ народнымъ святилищемъ построили тутъ, какъ это сдѣлали и въ другихъ мѣстахъ, православную церковь, чтобы удержатъ народъ, который считается православнымъ, отъ языческихъ обрядовъ и поклоненія „нишамъ“. Но это потерянный трудъ и едва ли удастся отучить здѣшнихъ жителей отъ ихъ обрядовъ, пока присланные сюда православные священники (большею частью имеретины) сами будутъ стоять на такомъ низкомъ уровнѣ образованія. Доказательствомъ того, какъ мало пшавы признаютъ православную церковь, служить то обстоятельство, что ни въ одномъ домѣ нѣтъ иконъ, а еще больше доказываютъ это имена мужчинъ и женщинъ, которыя, правда, довольно поэтичны, но ничего общаго съ христіанскими именами не имѣютъ. Вотъ нѣкоторыя имена мужчинъ: Геджура, Папа, Гриссаваръ, Бецуна, Борджа, Бабили, Хуцва, Бамаркацъ (карликъ), Хитара (шутъ), Чокола, Гамихарди (обрадуйся), Маджунъ, Цицила (цыцленокъ); женскія имена: Мзевинари (кто солнце?), Мзекале (женщина солнце), Калтатави (глава женщинъ), Бебера (старушка), Мецкина (печальная), Дедакали (мать женщинъ), Дедуна (матушка), Натели (сіяніе) и т. д. Кстати замѣтимъ, что фамиліи обыкновенно оканчиваются на ули, ели и ури, напр.: Турманаули, Каратіели, Гоголаури, но встрѣчается также грузинское окончаніе „швили“ (сынъ); напр., извѣстные пшавскіе поэты носятъ фамилію Рассикашвили.

Изъ суевѣрныхъ обычаевъ, совершенно противорѣчащихъ духу христіанской вѣры, я упомяну слѣдующіе. Въ среду передъ Пасхой ставятъ вѣтки колючаго кустарника на поляхъ, чтобы злые духи, препятствующіе благополучному возрастанію хлѣба, не имѣли къ нему доступа; кромѣ того, мужикъ, при сѣяніи сѣмянъ, держитъ во рту острую иголку для того, чтобы нечистые духи не отрѣзали корня, который пускаетъ сѣмя въ землю.

Темныя, нечистыя силы называются у пшавовъ „деви“, онѣ причиняють человѣку много непріятностей. Замѣчательно, что въ религіи Зоратустры злые духи носятъ похожее названіе „девсѣ“.

Когда на другой день мы продолжали путь, то увидѣли немного въ сторонѣ отъ дороги святилище „копало“, которое такому „деви“ обязано своимъ существованіемъ. Тамъ въ лѣсу, у отвѣсной скалы, лежитъ большой камень причудливой формы, походящій на ромбъ. Преданіе гласитъ, что этотъ камень когда-то служилъ „нишей“ въ хевсурской деревнѣ Акушо, но одинъ изъ „деви“ стащилъ его внизъ въ долину Арагвы, причемъ какой-то охотникъ, по имени „Копаль“, замѣтилъ его съ высоты противоположной горы и поразилъ духа стрѣлой. Съ тѣхъ поръ камень лежитъ тутъ; рядомъ съ нимъ изъ шиферныхъ плитъ образовалась маленькая пещера, въ которой зажигаются свѣчи во время праздника. Кругомъ на землѣ разбросаны старые оленьи рога и другіе остатки жертвоприношеній. Только хевисъ-бери, приходящій изъ Хевсуріи, священникъ одного опредѣленнаго прихода, имѣетъ право стоять за этимъ камнемъ и читать проповѣдь. Хлѣбъ, нарочно приготовленный для праздника, разрѣзываютъ на плитѣ, находящейся надъ пещерой; тутъ на другомъ камнѣ устанавливается посуда съ пивомъ и аракомъ (мѣстная водка). Хевисъ-бери освящаетъ все, сначала пьетъ самъ и потомъ раздаетъ народу. Женщины не смѣютъ близко подходить къ священному мѣсту.

Выше мѣст. Магаро долина Арагвы значительно суживается, рѣдко встрѣчаются болѣе широкія мѣста и тутъ земля всюду бываетъ обработана. Лѣсъ на склонахъ привлекаетъ наши взоры своей разнообразной красотой, но за то дорога очень плоха и узка, часто подымается по крутымъ скаламъ и мѣстами поддерживается кладкою изъ камней и бревенъ. Тамъ, гдѣ она проложена въ долинѣ, рядомъ съ рѣкой, она очень сырая и скользкая. Тутъ громадныя ольхи почти совсѣмъ скрываютъ рѣку отъ нашихъ глазъ. Рядомъ съ стройными высокими стволами деревьевъ пріютились роскошныя кусты *Mespilus germanica*, *Cornus mas* и дикій крыжовникъ, а также смородина. Изъ массы цвѣтовъ выдѣляется своими высокими стебельками и желтыми цвѣтами ядовитый *Digitalis lutea*. Последнимъ половодіемъ мѣстами снесена дорога и мы принуждены ѣхать по водѣ.

Въ 24-хверстномъ разстояніи отъ Магаро лежитъ мѣстность „Оръ-Цкали“, т. е. двѣ воды. Долина какъ будто тутъ заканчивается высокой горой, но если ближе посмотрѣть, то оказывается, что тутъ соединяются пшавская Арагва, идущая

съ в., и хевсурская Арагва, текущая съ с. Обѣ рѣки проложили себѣ путь по узкимъ ущельямъ. Переѣзжая мостъ, мы вступаемъ въ Хевсурію, въ дикую гористую страну, гдѣ дорога становится все болѣе узкой и опасной, чѣмъ она была до сихъ поръ.

Сообщая читателю свои впечатлѣнія и наблюденія въ Хевсуріи, я вовсе не намѣренъ и едва-ли былъ-бы въ состояніи представить всестороннее описаніе этой интересной страны и ея жителей, но я постараюсь пополнить нѣкоторыми чертами то, что уже извѣстно многимъ. Благодаря любезному вниманію сопровождавшаго насъ по дѣламъ службы пристава кн. Д., намъ удалось кое-что увидѣть и узнать, чего видѣть многимъ другимъ путешественникамъ не посчастливилось.

Въ первой хевсурской деревнѣ Борисахо красуется большой каменный домъ, съ высокой крышей. Это хевсурская школа, построенная и содержимая на средства общества возстановленія христіанства на Кавказѣ. Но хевсуры не имѣютъ стремленія къ образованію, поэтому пшавы, больше понимающіе высокое значеніе школы, посылаютъ туда своихъ дѣтей. Крутые склоны горъ еще покрыты лѣсомъ, который, однако, повыше замѣтно рѣдѣетъ. Мы обратили вниманіе на правильныя пирамидальныя формы деревьевъ; букъ, кленъ и др. издали имѣютъ видъ стройныхъ тополей или елей. Не игра-ли это природы?—невольно спрашиваешь себя. Но если посмотрѣть поближе, оказывается, что деревья нарочно такъ подрѣзаютъ, чтобы вѣтками кормить скотину во время безкормицы. Такой варварскій обычай, хотя весьма вредитъ лѣсу, но практикуется также и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, мѣстами даже прямо вырубаютъ деревья, чтобы скотина могла питаться нѣжными молодыми вѣтками и почками.

Когда за Борисахо мы поднимались по крутой и узкой тропѣ, вдругъ прибѣжалъ намъ навстрѣчу одинъ хевсуръ и взволнованнымъ голосомъ сталъ кричать, что дороги нѣтъ, такъ какъ часть ея только что провалилась въ пропасть. Подъ тяжестью лошади хевсура гнилыя балки, перекинутыя черезъ маленькій оврагъ и покрытыя землей, сломались и вмѣстѣ съ камнями и землею обрушились въ рѣку. Къ счастью, его лошадь еще успѣла перескочить роковое мѣсто. Сойдя съ лошадей, мы съ большой опасностью перебрались на другую сторону; просто непонятно намъ было, какъ ловкіе наши чапары и проводники переправили лошадей и перенесли багажъ на своихъ плечахъ. Смотрѣть на это интересное зрѣлище мы не могли, такъ какъ тропа до того

была узка, что два человѣка не могли-бы разойтись на ней. Послѣ этого критическаго инцидента, который задержалъ насъ довольно долго, мы благополучно прослѣдовали дальше и, переправившись черезъ рѣку, подъ вечеръ прибыли въ большую деревню Гули, лежащую надъ рѣкой на высотѣ больше чѣмъ 1200 футовъ. Тутъ мы насладились прекрасной углекислой водой, обильно вытекающей изъ земли. Вслѣдствіе того, что мы находились уже высоко надъ долиной, намъ все больше открывался видъ на снѣжныя вершины Главнаго хребта, достигающія въ этомъ мѣстѣ до 12000' и болѣе. Оттуда Арагва получаетъ съ правой стороны многоводные и дикіе горные потоки, напр., Иканакосъ-хеви, Охеръ-хеви, а главнымъ образомъ срывающійся съ высокихъ горъ безчисленными каскадами стремительный бѣлоснѣжный потокъ Папареносъ-хеви, вытекающій изъ маленькихъ ледниковъ г. Чаухи. За деревней Гули Арагва заворачиваетъ на сѣверо-востокъ. Въ значительной высотѣ надъ ней идетъ дорога черезъ молодой лѣсъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ осины и березы. Уже стемнѣло, когда мы прибыли въ аулъ Гудани, который, благодаря своимъ святынямъ, рядомъ съ Хакматами и Шатиломъ, считается самымъ священнымъ мѣстомъ въ Хевсуріи.

Какъ почти всѣ хевсурскія деревни, такъ и аулъ Гудани расположенъ террасами на склонѣ горы. Въ этомъ отношеніи хевсурскія деревни имѣютъ большое сходство съ дагестанскими аулами, но только онѣ не такъ скучены и имѣютъ больше простора. Хевсурскій домъ состоитъ изъ двухъ, рѣдко трехъ этажей, изъ которыхъ верхній этажъ всегда значительно отступаетъ назадъ, такъ что издали получается видъ большихъ и высокихъ ступеней. Такимъ образомъ, плоская крыша нижняго этажа составляетъ что-то вродѣ веранды или балкона для верхняго этажа. Домъ сложенъ изъ шиферныхъ плитъ, сухою кладкою, отверстія для дверей и оконъ весьма малы, окна безъ стеколъ, мѣстами плетень замѣняетъ стѣну. Нижній этажъ служитъ помѣщеніемъ для женщинъ и скота, тутъ стоитъ ткацкій станокъ и разная посуда домашняго обихода; во второмъ этажѣ живутъ мужчины, третій этажъ, наконецъ, представляетъ изъ себя вродѣ гумна и только наполовину покрытъ крышею. Тутъ стоятъ громадныя плетенныя корзины, въ которыхъ сохраняется зерно. Внутри дома царитъ невыразимая грязь, стѣны и потолки черны отъ дыма и сажи, воздухъ въ этихъ жилищахъ ужасный. Для сообщенія между этажами служатъ отверстія въ потолкахъ и приставныя лѣстницы. Передъ домами и на узкихъ улицахъ еще

грязиѣ, потому что тутъ наваливаются навозъ и всякаго рода нечистоты въ неимовѣрномъ количествѣ. Нельзя себѣ представить того замѣчательнаго контраста, который существуетъ между одеждой и жилищемъ хевсура. Костюмъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ отличается своимъ изяществомъ; онъ свидѣтельству-етъ о замѣчательномъ вкусѣ, большомъ прилежаніи и искус-ствѣ женщинъ, которыя ткутъ сукно, крася его въ черный и темно-синій, а также въ красный цвѣтъ и вышиваютъ цвѣтны-ми нитками. Грудь, плечи и спина доходящей до колѣнъ чохи, а также и нижній край короткихъ шароваръ вышиты красными, желтыми и зелеными нитками. Также искусно вышиты суконныя гамаша, рукавица (носится только на правой рукѣ), сумка для кремня, мѣшокъ для табаку и толстые чулки мужчинъ. Чоха имѣетъ много продольныхъ швовъ, должно быть, вслѣдствіе узкости матеріи; на лѣтнемъ костюмѣ замѣчаются большія прорѣ-хи по бокамъ, начиная съ пояса. Прорѣхи эти обшиты позументомъ. У женщинъ на груди и у пояса масса украшеній изъ тон-кихъ серебряныхъ пластинокъ, юбка внизу украшена пестрыми полосами.

Вышивка, главнымъ образомъ, состоитъ изъ крестиковъ и треугольниковъ. Но тѣми-же самыми искусными руками, кото-рыя шьютъ такія изящныя работы, женщины удаляютъ навозъ изъ жилища, не пользуясь при этомъ лопатой, тѣми-же немы-тыми и грязными руками они подносятъ къ носу нюхательный табакъ, безъ котораго жить не могутъ. Лица онѣ также не умываютъ, онѣ боятся воды. Когда мы умывались и чистили зу-бы, вокругъ насъ собиралась цѣлая толпа любопытныхъ жен-щинъ и дѣтей, которыя даже смѣялись надъ нами изъ-за этой странной манипуляціи. Хевсуры обоюго пола очень боятся воды и не любятъ умываться, и если, по извѣстному изреченію, по количеству израсходованнаго мыла можно судить о культурно-сти народа, то хевсуры стоятъ на самой низкой ступени куль-туры. Впрочемъ, существуетъ одна отвратительная привычка: если хевсурки, что, впрочемъ, весьма рѣдко бываетъ, умывают-ся, то только коровьей мочей, которая, по мнѣнію ихъ, служитъ презервативомъ отъ насѣкомыхъ и прыщей. Рассказываютъ, что какой-то грузинскій князь влюбился въ молодую хевсурку и ду-малъ жениться на ней, но, когда онъ случайно увидѣлъ, какъ его красавица умывается такой гадостью, то потерялъ къ ней всякое расположеніе. Можно, впрочемъ, смѣло утверждать, что эта туалетная вода мало помогаетъ красотѣ, потому что весьма рѣдко среди хевсурокъ можно увидѣть красивое лицо.

Хевсуръ гордится своимъ именемъ и съ высока смотритъ на русскихъ „лягушекъ“ и на пшавовъ, называемыхъ имъ „дойными коровами“³⁾, которыми всячески надо пользоваться. Тушины одни пользуются у нихъ нѣкоторымъ уваженіемъ. Хевсуръ самодоволенъ и консервативенъ до крайности. Прикосновеніе съ культурой никакого слѣда на немъ не оставило. Въ этомъ отношеніи, какъ и по своей нетребовательности онъ походитъ на китайца, но только менѣе трудолюбивъ.

Доказательствомъ консервативности хевсуръ можетъ служить самая первобытная обработка полей, которая при большомъ трудѣ приносятъ только самъ пшѣ, примитивная борона, еле-еле покрывающая сѣмена, устроенная изъ прутьевыхъ связокъ ограда полей, мѣновая торговля, счетоводство и оцѣнка вещей по коровамъ. При томъ они никогда не отправляются въ дорогу безъ своего маленькаго щита и безъ оружія, хотя кольчуга уже оставляется дома, какъ лишняя обуза. Стремена у него представляютъ изъ себя кругъ, сплетенный изъ ивовыхъ вѣтвей и укрѣплены они къ сѣдлу простой веревкой; ружья и пистолеты у него еще кремневые, не знаетъ онъ челнока въ ткацкомъ станкѣ; все еще существуетъ кровавая месть; до сихъ поръ родильницы и женщины во время менструаціи должны уходить изъ дома и жить отдѣльно; все еще сохраняются старинные религіозные обычаи и взгляды, которые имѣютъ много сходства съ языческими. Четыре, пять и болѣе вѣковъ тому назадъ хевсуръ, навѣрно, былъ такой-же, какимъ онъ представляется теперь, и въ этомъ отношеніи можно на него смотрѣть, какъ на интересный остатокъ среднихъ вѣковъ. Но извѣстно, что въ жизни народа, какъ и въ жизни каждаго отдѣльнаго человека, остановка равносильна регрессу. Кто не двигается впередъ, тотъ идетъ назадъ. И, на самомъ дѣлѣ, мы видимъ, по нѣкоторымъ признакамъ, что этотъ народецъ вырождается; послѣдняя всеобщая перепись обнаружила несомнѣнный фактъ, что число хевсуръ изъ года въ годъ уменьшается. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ число ихъ равнялось 5,800, а въ 1897 году ихъ было только 5,762, причемъ число женщинъ (какъ почти у всѣхъ кавказскихъ народовъ) значительно уступаетъ числу мужчинъ.

Дѣлятся они на семь обществъ въ 53-хъ деревняхъ съ 1,170 дворами. Три общества: шатилское, артлотское и ахилельское лежатъ на сѣверномъ склонѣ Главнаго хребта, а четыре: Бориса-

³⁾ „Очерки Хевсуріи“, А. Зиссермана („Кавказъ“, 1851 г.).

хо, Гули, Рошки и Бацалиго — на южномъ склонѣ. Если мы число 5,762 раздѣлимъ на 1,170 дворовъ, то оказывается, что на одинъ дворъ едва придется по пяти человѣкъ, изъ чего позволено заключить, что число дѣтей самое ничтожное. И, на самомъ дѣлѣ, отсутствіе дѣтей рѣзко бросается въ глаза, за исключеніемъ развѣ Шатила, гдѣ масса дѣтей всякаго роста окружила нашу стоянку. Нѣкоторые странные обычаи, на которые мы указывали въ другихъ замѣткахъ (см. мою книгу „Caucasische Reisen und Studien“), не способствуютъ сильному приросту, помимо суроваго климата и плохого питанія. Вообще хевсуры стараются имѣть поменьше дѣтей, въ особенности дѣтей женскаго пола.

Деревня Гудани, гдѣ на плоской крышѣ одного дома мы расположились для ночлега, представила для насъ, помимо красиваго мѣстоположенія, столько интереснаго, что на другой день мы очень поздно двинулись въ путь. Прямо на з. поднимается г. Чаухи (12,107'), значительно возвышаясь надъ сосѣдями своими тремя живописными пиками. Его фирневые поля питаютъ незначительный ледникъ. Нав. виднѣется рогъ горы Ликокисъ (10,393'); съ изумрудныхъ альпійскихъ луговъ его, простирающихся до самой вершины, снѣгъ исчезъ, только въ нѣкоторыхъ ложбинахъ еще блистаютъ узкія бѣлыя полосы. Взорамъ нашимъ представляется красивый горный пейзажъ, которому лѣса и стремительные горные потоки съ бѣлой, какъ снѣгъ, водой придаютъ много жизни. За нами Гуданскій склонъ подымается до хребта въ 7,000 футовъ. Деревня сама лежитъ среди желтѣющихъ хлѣбныхъ полей. Немного выше находится одна изъ гуданскихъ святынь, въ которой хранятся священные сосуды, посохъ деканоза и „дрожі“, т. е. священное знамя. Но самая главная гуданская святыня Гудани-Хати или Гудани-Джвари лежитъ ниже селенія, въ тѣни столѣтнихъ ясеней, какъ будто защищающихъ своими густыми вѣтвями разныя строенія этого святилища, къ которому теперь, передъ приближающимися праздниками, ни одинъ хевсуръ не смѣетъ близко подойти. Исключеніе только составляютъ деканозъ и дастури, которые въ помѣщеніи, нарочно для этой цѣли построенномъ, варятъ пиво для праздника. Рядомъ стоитъ домикъ для деканоза, а также другое помѣщеніе, открытое съ одной стороны. Тутъ, вдоль стѣны, расположены каменные скамейки вокругъ каменной плиты, служащей столомъ. Въ этомъ мѣстѣ въ праздники угощаютъ священнымъ пивомъ. Пиво теперь еще не совсѣмъ готово и еще бродитъ въ громадныхъ чанахъ, покрытыхъ коврами. До него касаться теперь не позволено...

Религія хевсуръ, номинально исповѣдующихъ христіанскую вѣру, ⁴⁾ представляетъ изъ себя весьма оригинальное смѣшеніе разныхъ постановленій и обрядовъ, позаимствованныхъ изъ трехъ монотеистическихъ религій съ примѣсью языческихъ суевѣрій и обычаевъ. Какъ у израильтянъ, такъ и у хевсуръ религія стоитъ въ тѣсной связи съ ихъ политической (если такъ можно выразиться) жизнью, которая ясно носитъ въ себѣ теократическій и вмѣстѣ съ тѣмъ демократическій характеръ. Искони существуетъ у нихъ особеннаго рода іерархія, во главѣ которой стоятъ деканозы, избираемые пожизненно. Жалованія опредѣленнаго они не получаютъ, но во время праздниковъ имъ выдѣляютъ съ cadaго зарѣзаннаго барана шкуру и одну переднюю ляшку.

Въ виду того, что на каждомъ праздникѣ рѣжутъ нѣскольکو сотъ барановъ, доходы деканозовъ довольно значительны. Хотя у cadaго общества есть свои деканозы, все таки теперь гуданскій и хахматскій (въ прежнее время также и шатильскій) деканозы пользуются особеннымъ авторитетомъ. Послѣ лѣтнихъ праздниковъ, въ началѣ іюля мѣсяца, продолжающихся двѣ недѣли, деканозы эти торжественно проходятъ по Хевсуріи и отправляются также къ своимъ сосѣдямъ, къ тушинамъ и къ пшавамъ, гдѣ ихъ принимаютъ съ большимъ почетомъ. По поводу этого шествія мы находимъ въ грузинской газетѣ „Мицкемси“ 1884 г. очень интересный офиціальный докладъ протоіерея Мревлова, который старается доказать, что хевсуры донинѣ ничто иное, какъ идолопоклонники. Вотъ, что мы читаемъ тамъ по этому поводу:

„Въ Хевсуріи до сихъ поръ въ полной силѣ процвѣтаетъ идолопоклонство. Кромѣ церквей, въ странѣ имѣется много молеленъ, пользующихся большимъ уваженіемъ въ народѣ... Много и долго говорилъ благочинный Мревловъ народу о прекращеніи этихъ дурныхъ обычаевъ. Здѣшніе священники рассказали отцу благочинному о всѣхъ обычаяхъ и дѣйствіяхъ такъ называемыхъ деканозовъ и „хевисъ-беровъ“, разъ въ годъ, именно въ іюлѣ мѣсяцѣ, пріѣзжающихъ въ свои молельни для исполненія языческихъ обрядовъ и обманывающихъ народъ. Вотъ какъ поступаютъ эти деканозы: во-первыхъ, нужно сказать, что, когда они входятъ въ деревню, въ рукахъ у нихъ находятся палки, въ сажень длиною, оканчивающіяся вверху наконечникомъ въ

⁴⁾ „Извлеченіе изъ этнографическихъ очерковъ г. Урбнели“ кн. Р. Д. Эристова.

родѣ копы, немного ниже котораго привѣшенъ небольшой серебряный шаръ, а еще ниже колокольчики и разноцвѣтные платки. Эту палку держитъ младшій деканозъ. У старшаго же на груди масса разныхъ цѣпочекъ, на которыя привѣшены серебряные крестики, двугривенные, пятиалтынные, гривенники, серебряные шарики, медали и пр., а посреди всего этого большой архимандритскій крестъ съ изображеніемъ Спасителя; въ правой рукѣ онъ держитъ также большой серебряный крестъ, украшенный простыми камнями и оканчивающійся большимъ серебрянымъ шаромъ. Этотъ крестъ, завернутый въ платокъ, деканозъ держитъ въ протянутой рукѣ. Въ лѣвой-же рукѣ у него епископскій посохъ, у котораго верхняя часть загнута и на которой имѣются изображенія въ родѣ серебряныхъ орловъ; къ посоху тоже привѣшены платки. Словомъ, эти палки деканозовъ очень походятъ на архіерейскіе посохи. Когда деканозы приближаются къ деревнямъ, которыя имѣютъ языческія молельни, ихъ встрѣчаетъ народъ и принимаетъ съ большимъ торжествомъ. Если время къ обѣду, для деканозовъ закалываютъ овцу, причемъ кровь послѣдней деканозы собираютъ въ особую чашку. Старшій деканозъ мажетъ всѣхъ этой кровью и потомъ окропляетъ ею всѣхъ-же. Затѣмъ проводятъ время, т. е. пьютъ и ѣдятъ, какъ нельзя лучше, послѣ чего снова направляется шествіе со звономъ колокольчиковъ, причемъ младшій деканозъ идетъ впереди, а за нимъ, опираясь на посохъ, слѣдуетъ и старшій. Когда шествіе подходитъ къ молельнѣ, деканозы зажигаютъ свѣчи и, съ воздѣтыми кверху руками, начинается молитва. Она читается такъ громко, чтобы вся деревня могла ее слышать и придти помолиться. Молитва деканозовъ начинается слѣдующими словами: „Слава Богу, слава солнцу, слава лунѣ, слава звѣздамъ!“ Затѣмъ деканозы говорятъ нѣсколько словъ изъ молитвъ: „Отче нашъ!“, „Вѣрую“ и въ „Вѣ Канѣ галилейской“. Къ этому они примѣшиваютъ не мало словъ, противныхъ православной вѣрѣ. Весь этотъ шумъ продолжается цѣлыхъ два часа, послѣ чего иногда тутъ-же снова закалывается овца и кровью ея окропляются присутствующіе. Въ это-же время къ деканозамъ подходятъ всѣ, у кого имѣются покойники, утонувшіе-ли или упавшіе со скалы, съ лошади и т. д., и просятъ ихъ, деканозовъ, спасти души усопшихъ, избавить ихъ отъ ада и ввести въ рай. Деканозъ тотчасъ-же слѣдуетъ верхомъ за родными покойника и выкидываетъ по дорогѣ разныя штуки: встрѣтивъ, напр., большой камень, онъ приказываетъ перевернуть его, а то, обращаясь къ родственникамъ покойнаго,

говорить имъ: „бѣгите, не оглядываясь—злой духъ гонится за вами“. Тѣ, конечно, бѣгутъ и, совершенно усталые, являются домой или въ молельню. Туда-же вскорѣ пріѣзжаетъ деканозъ, обходитъ вокругъ молельни и, бормоча что-то про себя, начинаетъ смотрѣть неподвижно на небо, послѣ чего кричитъ: „вонъ, посмотрите, душа усопшаго вступаетъ въ рай“. Тутъ уже деканозъ съ серебрянымъ сосудомъ (бадіа) въ рукахъ начинаетъ обходить народъ, собирая пожертвованія. За одинъ разъ, такимъ образомъ, онъ, случается, собираетъ отъ 10 до 20 рублей. Тѣ-же деканозы были причиною нѣкоторыхъ вредныхъ и безчеловѣчныхъ обычаевъ у тушинъ: когда беременной женщинѣ приходитъ время родить, для нея строятъ шалашъ гдѣ-нибудь за деревнею и оставляютъ тамъ родильницу одну. Это дѣлается какъ весною, такъ и зимою. Нечего и говорить, поэтому, что многія изъ родильницъ умираютъ безъ покаянія, другія-же даже сходятъ съ ума. Не лучше они поступаютъ съ умирающими: положивъ ихъ на коверъ, они, въ какое-бы это ни было время года, выносятъ ихъ на дворъ и оставляютъ тамъ до самой смерти. Излишне упоминать, что многіе изъ больныхъ, которые могли-бы еще вылѣчиться, умираютъ отъ подобнаго обращенія“...

За годъ до этого донесенія, другой православный священникъ отнялъ у деканозовъ ихъ эмблемы, которыя, какъ сказано, „они охотно отдали“. Но впослѣдствіи, по приказанію уѣзднаго начальника Д., который указалъ на незаконность такого дѣйствія, онѣ были возвращены.

Я теперь расскажу, что мы видѣли въ Гуданахъ, благодаря тому обстоятельству, что хевсуры насъ приняли за иностранцевъ, которыхъ имъ нечего бояться, такъ какъ появленіе здѣсь русскихъ сопряжено обыкновенно съ какими-либо административными распоряженіями, которымъ туземцы не охотно подчиняются. Они для насъ устроили торжественное шествіе отъ верхняго святилища до нижняго. Впереди, въ праздничномъ красномъ одѣяніи, шелъ человѣкъ, держа въ рукахъ посохъ съ прикрѣпленнымъ къ нему большимъ колокольчикомъ, который при каждомъ шагѣ звенѣлъ, за нимъ слѣдовалъ другой съ „дрожи“, т. е. съ короткой палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ вверху, подъ которымъ были привязаны два платка; за нимъ шли два „мехате“, т. е. носители священныхъ сосудовъ и деканозъ съ палкой, на подобіе костыля съ серебряной пуговкой, шествіе-же замыкали три хевсура въ полномъ вооруженіи съ мечемъ, кольчугой, наручниками, съ шлемомъ и щитомъ. Они составляли почетный караулъ. Всѣ шли гуськомъ. Когда шествіе пришло къ нижнему святилищу

мы спустились туда, чтобы все рассмотреть поближе. Насъ предупредили, что надо взять съ собою вино, что и было исполнено нами. Мы налили вино въ одну изъ красивыхъ серебряныхъ чашекъ, изъ которыхъ одна по краямъ была украшена фигурами на подобіе голубей. Деканозъ каждому изъ насъ сказалъ краткое привѣтствіе и выпилъ за наше здоровье, на что мы должны были отвѣтить тѣмъ-же. При этомъ мы положили во вторую чашку нѣсколько серебряныхъ монетъ „въ пользу святилища“. Этимъ торжественная церемонія и кончилась. Потомъ одѣтые въ доспѣхи рыцари показали намъ свою ловкость въ фехтованіи; опустившись на колѣни, они, съжившись, прятались за своими маленькими щитами и направляли другъ противъ друга свои острые мечи. Третій вооруженный стоялъ, въ качествѣ секунданта, въ нѣкоторомъ разстояніи. Послѣ фехтованія рыцари эти, въ полномъ вооруженіи, подъ палящими лучами юльскаго солнца показали намъ свой національный танецъ, похожій на лезгинку. Этимъ представленіе кончилось. Скажемъ тутъ еще нѣсколько словъ о вооруженіи хевсуръ. Шлемъ (чачкари) состоитъ изъ посеребренного верха, на подобіе тарелки, съ котораго кругомъ опускается сѣть изъ желѣзныхъ колецъ для защиты лица, шеи и затылка. Кольчуга, снабженная короткими рукавами, къ которымъ примыкаютъ наручники, доходитъ до бедра. Желѣзная сѣть покрываетъ также и переднюю часть ногъ и верхнюю половину ступни. Маленькій кожаный круглый щитъ съ желѣзными оковами, большой кинжалъ и сабля ⁵⁾, незначительно выгнутая, а также кольца съ остріями для удара, такъ называемыя „сацерули“, пополняютъ вооруженіе. Копье и огнестрѣльное оружіе носится рѣдко. Пока кровавая месть была еще въ большемъ ходу, хевсуръ, когда выходилъ изъ своей деревни, надѣвалъ на себя кольчугу, составлявшую его гордость и почетное одѣяніе. Эту кольчугу также надѣвали на покойниковъ во время похоронъ для того, чтобы они съ достоинствомъ могли переходить въ загробную жизнь.

Должно быть, довѣріе къ своимъ прекраснымъ доспѣхамъ и острому мечу служить причиной тому, что хевсуры, въ отличіе отъ сосѣднихъ тушинъ, для защиты отъ внезапныхъ нападеній лезгинъ и черкесовъ построили очень немного укрѣпленій,

⁵⁾ У хевсуръ, которые, какъ всѣ горцы, страшно любятъ хорошее оружіе, можно найти много старыхъ и хорошихъ сабель. Часто попадаются венгерскіе клинки съ изображеніемъ гусара и съ девизомъ: „Vivat Husar!“ Болѣе рѣдки клинки изъ Золингена и извѣстнаго мастера Горды.

которыми изобилуютъ тушинскіе аулы. Такія я видѣлъ только въ Бизо и въ Шатилѣ на Аргунѣ. Помимо того, что хевсуры, благодаря положенію своей страны, меньше были подвержены такимъ нападеніямъ, отсутствіе башенъ и укрѣпленій указываетъ на наступательный характеръ хевсуръ, которые въ прежнія времена сами не прочь были нападать на своихъ сосѣдей и пользоваться правомъ сильнаго. До сихъ поръ еще старики въ длинные зимніе вечера рассказываютъ молодымъ людямъ геройскіе подвиги предковъ, придавая часто этимъ рассказамъ поэтическую форму и аккомпанируя свои речитативы звуками трехструнной „пандуры“, имѣющей форму гитары. Въ газетѣ „Кавказъ“ за 1851 г., въ „Очеркахъ Хевсуріи“, А. Зиссерманъ приводитъ слѣдующую геройскую пѣснь:

„Орлы! сѣмена ваши лучше всѣхъ сѣмянъ, птицы должны завидовать вамъ.

„Вы поймали фазана, несете на показъ къ господамъ, они подарятъ вамъ пуговку, чтобы на шеѣ былъ слышенъ звонъ.

„Отецъ твой имѣлъ барсовъ и львовъ, звѣрей. А ты, сынъ его, захоти, приведешь оленей. Ты нагонялъ, убивалъ безъ всякаго затрудненія. Ты наша большая надежда, башня на извести строенная. Ты стрѣла, въ Осетіи кованная, въ городѣ хиной крашеная. Ты кафтанъ бархатный, на девять пуговицъ застегиваемый. Источникъ живой воды, ты вытекаешь изъ золотой трубы!“..

Къ рыцарскимъ упражненіямъ хевсуръ относятся также верховая ѣзда, бѣганье взапуски и метаніе камней. При торжественныхъ похоронахъ знатныхъ покойниковъ устраиваютъ что то вродѣ олимпійскихъ игръ. Побѣдителей товарищи съ торжествомъ несутъ домой на рукахъ, гдѣ устраивается богатое угощеніе. Что касается верховой ѣзды, то лошади здѣсь, хотя очень выносливы, но некрасивы и мало подходятъ къ тому шику, который хевсуръ проявляетъ въ своей одеждѣ и въ своемъ вооруженіи. Очень скуднымъ тоже нужно назвать убранство лошади, начиная съ уздечки, состоящей обыкновенно изъ простой веревки, и кончая стремянемъ, плетенымъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Но за то они дѣйствительно отчаянные наѣздники, въ особенности, когда подвыпивши, устраиваютъ скачки по своихъ опаснымъ тропинкамъ; причемъ держатся за хвостъ и гриву лошадей. Садятся они на лошадь съ правой стороны и управляютъ конемъ правой рукой.

Само собою разумѣется, что подроставшее поколѣніе, которое слышитъ рассказы о геройскихъ подвигахъ предковъ и

видитъ, какъ высоко цѣнятся мужество, храбрость и удалство, старается во всемъ подражать старшимъ и съ ранняго дѣтства занимается разными тѣлесными упражненіями. Прежде всего мальчики должны владѣть деревяннымъ мечемъ, щитомъ, сплетеннымъ изъ ивовыхъ прутьевъ, а также кольцами „сацерули“. Воспитаніе дѣтей чисто спартанское и мальчикъ отъ отца никогда ласковаго слова не услышитъ. Только, когда отрокъ становится уже такимъ сильнымъ, что можетъ помогать отцу, послѣдній обращаетъ на него вниманіе. Во всемъ соблюдается строжайшая дисциплина и уваженіе къ старшимъ. Пищу составляютъ жесткій хлѣбъ и кусокъ сыра. Одежда довольно скудная, одна и та же зимою какъ и лѣтомъ. Все рассчитано на то, чтобы молодыхъ людей приучать къ простотѣ, къ голоду и жадѣ, къ холоду и жару и всякаго рода лишеніямъ. Говорятъ, что часто заставляютъ мальчиковъ держать на рукахъ горячіе угли, причемъ они никакъ не смѣютъ показать виду, что испытываютъ боль. Впрочемъ, подобныя испытанія молодыхъ людей существуютъ также у другихъ народовъ Кавказа. Онѣ способствуютъ развитію замѣчательной силы воли.

Весьма оригинальны имена, которыя хевсуръ даетъ своимъ дѣтямъ, въ особенности имена мальчиковъ; напр., *Datvia* ⁶⁾ (медвѣдь), *Mgela* (волкъ), *Webchvja* (пантера), *Zaglika* (собака). Больше постичны женскія имена; напр.: *Ziskara* (утренняя заря), *Imeda* (надежда) и др. Единственное христіанское имя Георгій превратилось у нихъ въ *Gaga*. Другія мужскія имена слѣдующія: *Tosja*, *Mindja*, *Kukuja*, *Aparek*, *Bezika*, *Chirtschlach*, *Chachona*, *Utuska*, *Batschanur*. Изъ женскихъ именъ я еще записалъ: *Natja*, *Natella*, *Natula* (Наталья?), *Sekuja*, *Msekale* (солнышко-женщина), *Buba beberda* (старуха-матушка), *Gansa* (сокровище), *Chatusta* и т. д.

О свадебныхъ обрядахъ и о супружеской жизни хевсуръ мнѣ не приходится говорить, такъ какъ все это не разъ уже описывалось; тутъ я только хочу указать на тотъ странный обычай, что деканозъ, благословляющій молодую чету, связываетъ концы платьевъ невѣсты и жениха. Подобный же обычай былъ въ ходу также у древнихъ мексиканцевъ (см. *Faulmann*, „*Culturgeschichte*“). Это дѣйствительно замѣчательное совпаденіе у двухъ народовъ, живущихъ другъ отъ друга на такомъ далекомъ разстояніи и рѣшительно ничего общаго между собой не имѣющихъ, но проявляющихъ въ этомъ символическомъ обрядѣ одну и ту же общую идею.

⁶⁾ Ортография нѣмецкая.

Суровая природа и скалистая почва предоставляютъ этому народу очень мало средствъ для существованія. Тѣмъ удивительнѣе, что хевсуры ни за что не хотятъ разстаться со своей родиной. Лучше имъ тамъ умереть съ голоду, чѣмъ выселиться въ самый богатый край. „Какже мы,—говорятъ они,—можемъ оставить нашу дорогую родину, окропленную кровью Чинчауровыхъ, Арабуловыхъ“ и т. д.

Въ этомъ отношеніи хевсуры рѣзко отличаются отъ другихъ горцевъ, какъ, напр., сѣверныхъ осетинъ, балкарцевъ, а также отъ пшавовъ, тушинъ и другихъ, которые имѣютъ большое желаніе, въ виду малоземелья и скудости почвы, выселиться на равнину. Рѣдко хевсуры идутъ на заработки на равнину или въ города. Въ сравненіи съ сосѣдними пшавами и тушинами, хевсуры весьма бѣдны. У самыхъ состоятельныхъ едва ли вы найдете дюжину коровъ, нѣсколько воловъ и лошадей. Хотя склоны горъ представляютъ довольно хорошія пастбища, всетаки суровая и продолжительная зима не позволяетъ имъ держать много скотины, для которой, кромѣ того, въ домахъ слишкомъ мало мѣста. Хевсуры слишкомъ неподвижны и лѣнивы, чтобы, по примѣру тушинъ, спускаться со стадами въ болѣе теплыя низменныя равнины; они предпочитаютъ *dolce far niente*, курить свою трубку и рассказывать разныя приключенія. Правда, трудно ему достается обработка полей на крутыхъ склонахъ, работа тутъ часто связана съ опасностью жизни. Хотя земля въ окрестностяхъ селеній хорошо обработана, но урожай не бываетъ больше, чѣмъ самъ четыре или самъ пять. Сѣютъ, главнымъ образомъ, просо, ячмень, пшеницу, картофель, капусту и табакъ. Безъ послѣдняго уже никакъ не могутъ обойтись, такъ какъ мужчины жить не могутъ безъ нюхательнаго табаку; дѣти также очень рано начинаютъ курить. Тому обстоятельству, что почти всѣ деревни окружены пашнями, простирающимися до самыхъ домовъ, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, приписать странный обычай не держать никакой птицы. Куры и яйца считаются у хевсуръ запрещенной пищею, за то они ѣдятъ, хотя рѣдко, баранину и турье мясо, которое въ сушеномъ видѣ также сохраняютъ на зиму.

К. Θ. Ганъ.

(Продолженіе будетъ).

260
1900/3

3/

Книга V.

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

68

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 5.

М а й.

1900 г.

ТИФЛИСЪ

Скоропечатня М. Мартиросянца, Михайловскій просп., № 81.

1900

Путешествіе въ страну пшавовъ, хевсуръ, кистинъ и ингушей *).

(Лѣтомъ 1897 г.).

(Продолженіе).

Отъ Гудани дорога наша шла на востокъ, по направленію къ Ликокисъ-мта (10399'), мимо котораго переваль приводитъ къ верховьямъ одного изъ истоковъ р. Аргуна. Поднимаясь вверхъ по теченію хевсурской Арагвы, широкое русло которой наполнено массой крупнаго булыжника, мы вскорѣ достигли селенія Хахматы. Оно славится своими святилищами, которыя стоятъ въ тѣни высокихъ ясеней, а рядомъ съ ними красуется православная церковь. У желѣзно-кислаго рудника мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы насладиться этой вкусной водой. Отсюда дорога уже становится неровною и болѣе каменистой; нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ окончными моренами ледника, спускавшагося прежде съ горы Ликокисъ-мта. Потомъ мы перешли на альпійскіе луга съ роскошной травой, но съ очень бѣдной флорой. Тутъ пріютилась маленькая березовая роща. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ ниже становилась трава. Прекрасные экземпляры розоватаго *Anemone narcissiflora*, часто попадающіеся тутъ, привлекали наше вниманіе. У

*) См. „Кавк. Вѣстн.“, № 4.

послѣдняго крутого подъема, передъ самымъ переваломъ, склоны покрыты низкими жалкими экземплярами *Rhododendron caucasicum*. Но вотъ мы на перевалѣ, высота котораго не обозначена на картахъ, но должно быть достигаетъ не болѣе 9,000 футовъ. Мѣстами еще виднѣются остатки снѣга въ видѣ узкихъ полосъ; направо поднимается Ликокисъ-мта. Перевалъ этотъ у народа извѣстенъ подъ именемъ „Welke-Tili“, т. е. хорошее поле, и обязанъ своимъ названіемъ хорошимъ сѣнокоснымъ лугамъ. Если оглянуться назадъ, то мощная группа г. Чаухи опять привлекаетъ наши взоры, а направо отъ нея возвышаются горы Гормуцисъ-тави и Архотисъ-тави, которыя прежде были закрыты отъ насъ передовыми цѣпями.

Видъ на в., гдѣ лежитъ хребетъ Ацунта и великанъ Тебулосъ, также прикрытъ ближайшимъ хребтомъ, виднѣется только малая часть его, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ. За Ликокисъ-мта стоитъ Матурисъ-тави (или Чакисъ-тави). Главный хребетъ, на высотѣ котораго мы находились, тутъ сравнительно низокъ; хребетъ Ацунта, берущій начало у Барбало и кончающійся въ массивѣ Тебулоса, а также передовая цѣпь тушинскихъ Альпъ тутъ значительно выше Главнаго хребта. Онъ замѣчательно круто спускается на с. и в. къ истокамъ р. Аргуна; по лугамъ со скудной растительностью мы быстро достигли довольно широкой долины, окаймленной высокими горами. Лишь у Алеписъ-кари (кари—ворота, узкій проходъ) долина эта суживается, тутъ она мало населена и загорожена нѣсколькими башнями. Самая рѣка течетъ довольно медленно и не глубока. Немного ниже по теченію—при впаденіи р. Кистанисъ-хеви нѣсколько романтическихъ замковъ оживляютъ однообразіе пейзажа. Но вдругъ долина становится совсѣмъ узкой, рѣка принимаетъ характеръ бурнаго потока, а растительность на крутыхъ склонахъ становится все болѣе и болѣе роскошной. Тамъ, гдѣ р. Гуросъ-хеви, текущая съ запада, соединяется съ Аргуномъ, мы встрѣтили первые мосты. Тутъ напоръ и масса воды уже очень значительны. Однако, эти мосты очень узки и внушаютъ мало довѣрія. Три балки, опирающіяся на расположенные у береговъ камни, служатъ основаніемъ моста, онѣ сверху покрыты хворостомъ и землею. На лошади переѣзжать черезъ такіе мосты не безопасно, лучше слѣзть; во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ пускать за разъ больше одной лошади, потому что мостъ можетъ обвалиться подъ большой тяжестью, а кто упадетъ въ рѣку, едва-ли сможетъ выбраться и погибнетъ въ стремительномъ потокѣ. Узкая тропа больше не пролегаетъ рядомъ

съ бурнымъ потокомъ, который безконечными каскадами ниспадаетъ, перебрасывая свои воды черезъ громадныя скалы. По крутому шиферному склону, постоянно обваливающемуся подъ копытами лошадей, тропа высоко поднимается надъ рѣкой. На менѣе крутыхъ мѣстахъ склоны покрыты кустарникомъ и лѣсомъ. Мѣстами попадаются молодые сосны, которыя становятся все многочисленнѣе и большихъ размѣровъ и поднимаются до высокихъ скалъ. Всюду, среди кустарника, красуются свѣтло-лиловые колокольчики (*Campanula lactifolia*), изящныя кисти *Spigaea Aruncus* и бѣлыя головки *Valeriana allaearifolia*. На разстояніи приблизительно десяти верстъ отъ Шатила открывается видъ на ущелье Георгій-Цминда, гдѣ находится святилище св. Георгія. Наконецъ, издали на отвѣсной и высокой скалѣ надъ рѣкой бѣлѣютъ хорошо сохранившіяся развалины Стараго-Шатила, а, обогнувъ небольшой выступъ горы, мы видимъ передъ собой аулъ Шатилъ съ его башнеобразными домами, живописно и грозно расположенный многочисленными террасами надъ лѣвымъ берегомъ Аргуна. Долина окаймлена высокими хребтами и Шатилъ въ народѣ славится тѣмъ, что солнце тамъ виднѣется только рано утромъ и поздно вечеромъ. Въ просторной „канцеляріи“, представляющей изъ себя довольно большой деревянный домъ, на правомъ берегу рѣки мы нашли хорошій пріютъ.

Шатилъ со своими сорока дворами, если не считать маленькій аулъ Ахіелъ въ истокахъ Ассы, можно назвать самымъ сѣвернымъ передовымъ пунктомъ Хевсуріи. Аулъ этотъ, такъ-же какъ и сосѣдній аулъ Гуро, расположенный на ю.-з., славится чрезвычайно воинственнымъ духомъ своихъ жителей, геройскіе подвиги которыхъ записаны на страницахъ кавказскихъ войнъ. Аулъ также типиченъ тѣмъ, что тутъ живетъ одинъ родъ, по имени Чинчараули, подобно тому, какъ въ Гуро обитаютъ Гогочури. Въ другихъ хевсурскихъ аулахъ этого нѣтъ. Солидарность рода придаетъ жителямъ тѣхъ ауловъ больше гордости и самоувѣренности, причемъ они гораздо живѣе другихъ хевсуръ, потому что въ жилахъ ихъ течетъ много чужой крови. Шатильцы нерѣдко привозили себѣ женъ изъ Чечни.

Расположеніе шатильскаго аула было-бы весьма привлекательнымъ для глаза художника, если-бы изъ узкихъ переулковъ и изъ домовъ не текли цѣлые потоки жидкаго навоза, покрывающаго скалы, обрывисто торчація надъ рѣкой. Да, въ этихъ узкихъ проходахъ съ крутыми каменными ступенями царитъ невыразимая грязь, не менѣе грязно въ домахъ, построенныхъ въ нѣсколько этажей, на подобіе башенъ. Свѣтъ проникаетъ въ жили-

ща только черезъ маленькія отверстія. Балки съ глубокими надрѣзами замѣняютъ лѣстницы и служатъ единственнымъ сообщеніемъ между нижнимъ и верхнимъ этажами. Въ одной изъ такихъ темныхъ башенъ когда-то жилъ грузинскій царевичъ Александръ, когда онъ, стѣсненный своими врагами, искалъ убѣжища у хевсуръ. Онъ хотѣлъ собрать войско изъ хевсуръ и пшавовъ, давалъ имъ богатые подарки и обѣщалъ большія привилегіи. Но войско собиралось очень медленно, и царевичъ долженъ былъ бѣжать въ Персію. До сихъ поръ шатильцы увѣрены въ томъ, что царевичъ когда-нибудь вернется и исполнитъ свое обѣщаніе. Темное помѣщеніе, въ которомъ когда-то пріютился царь, теперь служитъ кладовой для шкуръ овецъ и разнаго домашняго скарба; тутъ-же навалены большія кучи сушеныхъ травъ (*Valeriana allaearifolia*), съ помощью которыхъ окрашиваютъ сукно въ красный цвѣтъ. На стѣнахъ висятъ какіе-то круги, плетеные изъ соломы и насыщенные дрожжами, они кладутся въ свѣжее пиво для ускоренія броженія.

Въ концѣ аула, наверху, красуется православная церковь, длинное каменное строеніе съ высокой крышею. Низкая дверь находится въ одной изъ длинныхъ стѣнъ, а надъ нею красуется надпись: „По Высочайшему повелѣнію церковь эта построена шатильцамъ въ награду за побѣду надъ Ахверды-Магомой и его ордами въ 1843 году по приказанію намѣстника кавказскаго, князя Барятинскаго“. Ахверды-Магома былъ однимъ изъ самыхъ храбрыхъ и даровитыхъ полководцевъ Шамиля. Поднявъ въ 1840 г. всю Чечню, онъ заставилъ жителей равнины покинуть аулы и уйти въ горы. Въ 1843 г. онъ съ большимъ отрядомъ изъ чеченцевъ направился на Шатиль и потребовалъ сдачи аула. Но шатильцы храбро защищались, убили самого Ахверды-Магому и сто его приверженцевъ, причемъ сами потеряли только двухъ людей убитыми. Къ сожалѣнію, шатильцы, кажется, мало дорожатъ этимъ знакомъ Высочайшей милости¹⁾. Церковь совсѣмъ запущена и походитъ на развалину. Гораздо большимъ почетомъ пользуется у нихъ мѣстное языческое святилище по другую сторону р. Аргуна. О немъ мы еще поговоримъ подробнѣе.

Прежде чѣмъ покинуть аулъ, мы завернули въ такъ называемый „пехони“, мѣсто для сходовъ шатильцевъ. Помѣщеніе это съ одной стороны открыто. Тутъ хевсуры готовятъ порохъ изъ угля „цацхви“, т. е. липы, для чего покупаютъ сѣру и селитру. Прежде селитру они сами добывали изъ навоза. Ступ-

¹⁾ Газ. „Кавказъ“ 1876 г., ст. Лихачева.

ку замѣняетъ большой булыжникъ съ естественнымъ углубленіемъ, а пестикъ—другой узкій продолговатый булыжникъ. Тутъ же находится также самый первобытный приборъ для смягченія кожи. Рядомъ съ „пехони“ стоитъ старинная башня, на которой еще виднѣется соленая рука одного кистина, давно почернѣвшая. Въ старину можно было видѣть цѣлые десятки подобныхъ трофеевъ, ибо хевсуры вообще прежде не церемонились съ соседними кистинами, угонявшими у нихъ лошадей и скотъ, убивали ихъ и отрубали руки. Теперь же они стараются ловить кистинъ и держать ихъ въ плѣну, пока не получаютъ выкупа. Два года тому назадъ полицейскій приставъ отнялъ у шатильцевъ странный инструментъ, живо напоминающій времена жестокой инквизиціи. Это были особаго рода кандалы, которые надѣвались на руки такъ, что тѣ были оттянуты назадъ. Эти кандалы были связаны съ кольцомъ, надѣтымъ вокругъ шеи, а кольцо висѣло на цѣпи съ потолка. Плѣнникъ, закованный такимъ образомъ въ цѣпи, не могъ ни сидѣть, ни лежать, но долженъ былъ стоять все время на одномъ и томъ-же мѣстѣ.

Говорятъ, что чуть-ли не въ каждомъ домѣ въ Шатилѣ спрятаны подобные инструменты и что каждый шатилецъ считаетъ себя въ правѣ такимъ образомъ производить судъ надъ ворами.

Мы посѣтили также прославленную шатильскую „нишу“, находящуюся на правомъ берегу Аргуна у подножья высокой горы, въ тѣни деревьевъ. Она состоитъ изъ большого преддворья, крытаго шиферными плитами. Вдоль стѣнъ расположены каменные скамьи. Къ этому преддворью примыкаетъ маленькій каменный домикъ, въ которомъ хранится священная посуда. Входить туда позволяется только деканозамъ. Висящій въ преддворьи большой колоколъ призываетъ общину на праздникъ. На стѣнахъ и на потолкѣ красуется масса роговъ и другія жертвоприношенія, какъ-то тряпки, колокольчики, пули, жестянки и т. д. Я обратилъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что среди множества разнообразныхъ роговъ, какъ, напримѣръ, каменнаго козла, турьихъ роговъ было только три пары.

Ниже Шатила рѣкѣ не трудно было прорваться черезъ мягкій лесъ, образуя при этомъ выступы съ острыми и тупыми верхами самыхъ причудливыхъ формъ. Проѣхавъ верстъ пять, мы очутились на томъ мѣстѣ, гдѣ второй, многоводный истокъ Аргуна соединяется съ той рѣкой, которая беретъ начало съ Ликокисъ-мта, и по долину которой мы доѣхали до Шатила. Соединенныя рѣки получаютъ теперь названіе Чанти-Аргуна или

Шато-Аргуна. Въ Шато-Аргунѣ, приблизительно подъ 43° широты, у прежняго укрѣпленія Аргунскаго, впадаетъ Шаро-Аргунѣ, истоки котораго находятся въ Андійскомъ хребтѣ у горъ Кериго, Малаго и Большого Качу, Доносъ-мта и Диклосъ-мта. Ниже ст. Грозной Аргунѣ впадаетъ въ Сунжу, притокъ Терека. Тамъ, гдѣ упомянутая рѣка получаетъ новое названіе Чанти-Аргуна, на невысокомъ выступѣ горы лежитъ извѣстное Анаторійское кладбище. Тутъ мы замѣчаемъ не менѣе пяти каменныхъ домиковъ, имѣющихъ въ длину три сажени при ширинѣ и высотѣ двухъ сажень. Всѣ эти дома наполнены бранными останками хевсуръ. Квадратное отверстіе въ 1½ фута позволяетъ намъ заглянуть внутрь этихъ домиковъ. Вдоль стѣнъ помѣщаются каменные скамьи изъ шиферныхъ плитъ, на которыхъ прежде располагали въ сидячемъ положеніи покойниковъ, хорошо снабженныхъ табакомъ и другими приношеніями, которыя постоянно возобновлялись²⁾. Но когда появилась чума („чири“) и люди стали умирать массами, то уже сидѣній въ пяти домикахъ больше не хватило и покойниковъ укладывали слоями другъ на друга. Насколько губительна была эпидемія, можно заключить изъ того, что весь Анаторійскій аулъ вымеръ и только одинъ единственный человѣкъ остался въ живыхъ. Онъ потомъ переселился въ Шатилъ. Какъ быстро наступала смерть у заболѣвшихъ, видно изъ того, что въ числѣ первыхъ жертвъ была мать, умершая въ тотъ самый моментъ, когда она кормила грудью младенца, и что вмѣстѣ съ матерью также ребенокъ тутъ-же скончался. Обоихъ посадили въ одномъ изъ домиковъ... Черепа, которые тутъ валяются на полу, очень развиты и имѣютъ хорошую форму; прекрасно сохранившіеся зубы бросаются въ глаза; кости очень крѣпки и большихъ размѣровъ.

Но съ кладбища мы еще на короткое время вернемся къ живымъ и укажемъ кое-что о происхожденіи, типѣ, характерѣ и языкѣ хевсуръ.

Что хевсуры, главнымъ образомъ, происходятъ отъ грузинъ, на это, кромѣ внѣшности и языка ихъ, указываетъ преданіе, распространенное въ народѣ, что какой-то крестьянинъ изъ Кахетіи былъ ихъ родоначальникомъ (см. газ. „Кавказъ“ 1851 г., „Очерки Хевсуріи“ А. Зиссермана).

„Первымъ родоначальникомъ своимъ они признаютъ нѣко-

²⁾ Намъ передавали, какъ куріозъ, что недавно извѣстный разбойникъ спрятался въ подобномъ домикѣ и долгое время существовалъ такими приношеніями.

его Гуданели. Онъ былъ крестьяниномъ какого-то кахетинскаго помѣщика и жилъ въ сел. Магаро, близъ Сигнаха. Незвѣстнымъ преступленіемъ онъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ помѣщика и, желая избѣгнуть наказанія, скрылся въ пшавское село Аншо. Здѣсь родился у него сынъ, который, любя охоту, однажды отправился въ горы, гдѣ убилъ неизвѣстное животное, такое жирное, что оно зародило въ старикѣ Гуданели предположеніе о плодородности мѣста, въ которомъ обитало это животное; а чтобы вѣрнѣе убѣдиться въ этомъ, онъ отправилъ туда съ сыномъ своимъ горсть пшеницы въ маленькомъ кошелькѣ для посѣва, а послѣ собралъ цѣлую гуду (сума изъ звѣриной кожи). Отъ этого и мѣсто это названо Гудани, а переселенцы—Гуданели. Здѣсь родились у Гуданели два сына—Араба и Чинчари, отъ которыхъ произошли 320 домовъ Арабули и 210 Чинчараули, всѣ они составляютъ до 25 деревень и считаютъ главой своего населенія сел. Гудани, на берегу Арагвы, извѣстное своимъ большимъ капищемъ Гуданисъ-джвари (гуданскій крестъ), весьма ими уважаемый. Въ числѣ народовъ, переселившихся послѣ въ Хевсурію, считаютъ еще и кистинъ, осетинъ, мтіульцевъ и даже евреевъ. Разсказываютъ, что однажды царица Тамара, посѣтивъ Хевсурію, привезла съ собой одного еврея; заболѣвъ, онъ остался здѣсь, а послѣ женился и отъ него произошла цѣлая деревня Бисо“.

Такимъ образомъ м. Гудани считается, такъ сказать, родной хевсуръ и святилище этой деревни, Гуданисъ-джвари или Хати, старѣйшимъ во всей Хевсуріи. По преданію, у Гуданели родились два сына—Чанчира и Араба, они же родоначальники семействъ Чинчараули и Арабули. Изъ этого можно вывести заключеніе, что преданіемъ хотѣли показать тѣсную связь между Шатиломъ, гдѣ живутъ Чанчараули, и деревнею Гудани. А кромѣ того, имя „Араба“ указываетъ, по моему мнѣнію, на семитическое происхожденіе. Весьма вѣроятно, что такимъ образомъ среди хевсуръ поселились также и евреи и смѣшались съ ними, какъ и съ другими грузинами. Преданіе опять служитъ подтвержденіемъ этого предположенія, ибо оно разсказываетъ, что царица Тамара привезла съ собой какого-то знатнаго еврея, который тамъ же остался.

Едва-ли придется сомнѣваться въ томъ, что разъ одинъ преступникъ, какъ тотъ кахетинскій крестьянинъ, нашелъ себѣ въ Хевсуріи убѣжище и даже пріобрѣлъ себѣ нѣкоторое благосостояніе, то и другіе преступники старались бѣгствомъ спастись туда же. Такимъ образомъ, тутъ, какъ и въ другихъ труд-

но доступныхъ мѣстностяхъ Кавказа, образовалась, можетъ быть, цѣлая колонія преступниковъ и бродягъ изъ окрестныхъ странъ. А разъ они попали сюда, то уже простое чувство самосохраненія заставило ихъ сплотиться въ одно цѣлое. Къ нимъ присоединились другіе, ищущіе спасенія уже не отъ карающей руки правосудія, но отъ кровомщенія. Вслѣдствіе этого получается смѣшеніе самыхъ различныхъ элементовъ и едва-ли возможно будетъ указать на чисто хевсурскій типъ. Больше всего такое смѣшеніе крови обнаруживается у шатильцевъ, гдѣ чуть-ли не каждое лицо имѣетъ особенный типъ; болѣе общій типъ можно замѣтить въ Гуданахъ и Хахматахъ. Тутъ у большинства лицо весьма грубое, большое и четырехугольное съ крупнымъ носомъ. Фигура довольно худая, ростъ выше средняго, даже большой, плечи широкія, грудь плоская, руки и ступни замѣчательно неуклюжія и большія, ноги кривыя. Цвѣтъ кожи смугло-красноватый, глаза каріе и мало выразительные, волосы большею частью черные, коротко остриженные (иногда съ пейсами), усы рыжіе. У женщинъ черты лица, въ общемъ, очень грубы; въ отличіе отъ пшавокъ, среди которыхъ не рѣдко попадаются блондинки, хевсурки брюнетки, рано старѣютъ и тогда становятся весьма некрасивыми. Хевсуръ обыкновенно очень спокойнаго и флегматическаго характера, но подъ вліяніемъ возбуждающихъ напитковъ можетъ обратиться въ лютаго звѣря, котораго ничѣмъ не укротишь. Сильно его также возбуждаетъ обязанность мстить за убійство и обиду родныхъ. Къ счастью, кровомщеніе все больше и больше выходитъ изъ употребленія, такъ какъ кровомстители привлекаются судомъ къ строгой отвѣтственности. Но все-таки и до сихъ поръ бываютъ отдѣльные случаи. Не задолго до нашего пріѣзда, напр., пятнадцатилѣтній мальчикъ коварно убилъ одного чапара. Боясь законной кары за кровомщеніе, взрослые уговорили на этотъ поступокъ юношу, увѣряя, что съ него, какъ несовершеннолѣтняго не взыщутъ.

Говорятъ хевсуры на старинномъ грузинскомъ языкѣ, въ которомъ не имѣется многихъ словъ теперешняго грузинскаго языка. Замѣчается также нѣкоторая разниа въ выговорѣ и удареніи. Многія слова, въ особенности у сѣверныхъ хевсуръ, позаимствованы съ чеченскаго языка. Во всякомъ случаѣ грузины и хевсуры прекрасно понимаютъ другъ друга.

Хотя нельзя оспаривать того, что хевсуры, главнымъ образомъ, грузинскаго происхожденія, но все-таки намъ желательно разрѣшить двѣ задачи. (Въ виду того, что нѣтъ точныхъ и до-

стовѣрныхъ преданій, мы должны удовольствоваться предположеніями). Первую загадку для насъ составляетъ своеобразная религія ихъ съ явно демократической подкладкой: всякій, по выбору общины или по указанію „кадаги“, т. е. прорицателя, можетъ достигнуть различныхъ ступеней іерархіи. У грузинъ-горцевъ, у тушинъ и пшавовъ нѣтъ ничего подобнаго, у нихъ деканозы и свита ихъ только желанные гости изъ Хевсуріи. Родина деканозовъ—Хевсурія. Вообще эти деканозы, ихъ шествіе, дастуры, приготовленіе священнаго пива, окропленіе народа кровью животныхъ, принесенныхъ въ жертву, крестъ, нарисованный той же кровью на лбу и т. д., все это такіе странные обычаи, что только предположеніе о существованіи когда-то какого-то основателя особой религіи у хевсуръ можетъ распространить свѣтъ въ этомъ мракѣ неизвѣстности. Такимъ основателемъ новой религіи могъ явиться какой-нибудь бѣглецъ, обладающій нѣкоторымъ образованіемъ и имѣющій хоть темное представленіе о существовавшихъ тогда монотеистическихъ религіяхъ. Можетъ быть, въ качествѣ хевисъ-бери онъ присоединилъ къ своей религіи жителей этихъ отдаленныхъ и отрѣзанныхъ отъ міра долинъ. И такая религія, открывающая каждому возможность достигнуть той или другой ступени іерархіи, по своему характеру, легко прививалась въ народѣ. Прекрасный знатокъ хевсурскаго народа кн. Р. Д. Эристовъ объясняетъ происхожденіе хевсурской религіи тѣмъ, что хевисъ-бери замѣнили христіанскихъ священниковъ и, по своей неграмотности и за недостаткомъ образованія, исковеркали христіанскую вѣру³⁾. Можетъ быть, онъ отчасти и правъ, но только трудно объяснить, откуда, въ такомъ случаѣ, появились въ хевсурской религіи разные элементы и обычаи, позаимствованные съ мозаизма и ислама.

Второй темный вопросъ касается костюма. Между тѣмъ, какъ сохраненіе *доспѣховъ и щитовъ до нашего времени* можно объяснить постоянными спорами отдѣльныхъ общинъ между собой и съ сосѣдями, а также кровомщеніемъ, нельзя найти какой-нибудь причины для происхожденія страннаго и пестраго костюма съ трехуголками и крестиками, съ цвѣтными шнурами и пуговицами, которыхъ мы у другихъ кавказскихъ народовъ не нахо-

³⁾ Судя по прекрасному труду кн. Р. Д. Эристова „Извлеченіе изъ этнографическихъ очерковъ г. Урбнели“ (Тифлисъ 1888 г.) первое мѣсто въ хевсурской іерархіи занимаютъ „хуцессы“, но не сказано, отправляются-ли они съ „дрожи“ въ окрестныя страны, какъ это дѣлаютъ деканозы. Вообще не совсѣмъ ясно, кто выше—хуцессы или деканозы?

димъ. Откуда, наконецъ, явились мальтійскіе кресты, вырѣзанные на большихъ ящикахъ, въ которыхъ хевсуры хранятъ свое платье и драгоценныя вещи?

Эти кресты тѣмъ больше бросаются въ глаза, что мы ихъ не замѣчаемъ въ священныхъ мѣстахъ. Быть можетъ, какъ нѣкоторые предполагаютъ, сюда забрелъ какой-нибудь рыцарь послѣ крестовыхъ походовъ. Едва-ли это такъ, потому что крестоносцы у гостепріимныхъ грузинъ, при томъ такихъ усердныхъ христіанъ, безъ сомнѣнія, нашли-бы такой пріемъ, что имъ незачѣмъ было-бы забиваться въ эти дикія горы. Скорѣе возможно, что нѣкоторые представители хевсурскаго народа, какъ и грузины, принимали участіе въ крестовыхъ походахъ. Но все-таки возникаетъ еще такого рода предположеніе, что хевсурскій костюмъ ничто иное, какъ своеобразное подражаніе облаченію католическихъ или православныхъ священниковъ. Можетъ быть первые приверженцы этой религіи носили такое одѣяніе, которое впослѣдствіи принималось всѣми, такъ какъ у хевсуръ, какъ мы уже видѣли, всякій послѣ исполненія нѣкоторыхъ формальностей, можетъ стать жрецомъ своей религіи. А разъ мужчины приняли такой изящный и пестрый костюмъ, то и женщины, конечно, не хотѣли отстать отъ нихъ.

К. Ө. Ганъ.

(Окончаніе будетъ).

1900 398
Книга VI.

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 6.

Іюнь.

1900 г.

ТИФЛИСЪ

Скоропечатня М. Мартиросянца, Михайловскій просп., № 81.
1900

Путешествіе въ страну пшавовъ, хевсуръ, кистинъ и ингушей *).

(Лѣтомъ 1897 г.).

(Окончаніе).

У м. Анатори мы переправились черезъ мостъ на другой берегъ и сейчасъ же поднялись высоко надъ рѣкой, шумъ которой слышится еще издали. Проѣхавъ верстъ 10, мы достигли кистинскаго аула Джарего (на картѣ Джары), расположеннаго немного ниже хребта. Тутъ мы повернули на западъ. Съ высоты хребта нашимъ взорамъ представляется, за глубокими долинами, множество громадныхъ кряжей, развѣтвляющихся по всѣмъ направленіямъ. Въ ущельяхъ, образовавшихся между ними, раскаты грома разразившейся надъ нами грозы величественно и грозно вторятся стократнымъ эхо... Трудно привести въ систему эти высокіе отроги Кавказа, которые тутъ возвышаются на нѣсколько тысячъ футовъ надъ Главнымъ хребтомъ. Въ общемъ можно отличить три главныя цѣпи, болѣе или менѣе параллельныя между собой: во-первыхъ, передовую цѣпь, расположенную на с. и соединяющуюся съ Главнымъ хребтомъ многими отвѣсными кряжами; между этой передовой цѣпью и Главнымъ хребтомъ образуются глубокія ущелья и котловины, какъ, напримѣръ,

*) См. „Кавк. Вѣстн.“, № 5.

Дарьяльское ущелье, котловины Аргуна, Ассы и др. На разстояніи 10-15 верстъ отъ передовой цѣпи тянутся узкіе кряжи скалистыхъ или пестрыхъ горъ. Геологи считаютъ ихъ коралловыми рифами, поднявшимися когда-то изъ моря; причудливыми острыми зубцами они поднимаются къ небесамъ и до значительной высоты покрыты лѣсомъ. Къ нимъ, между прочимъ, относится Мать-Хохъ или Столовая гора, живо напоминающая своей формой столовую гору на мысѣ Доброй Надежды и невольно привлекающая вниманіе путешественника. Еще дальше на с. расположены такъ называемыя Черныя горы, покрытыя густымъ лѣсомъ и поднимающіяся до 4500'.

Съ перевала, лежащаго выше аула Джарего, мы спустились въ глубокую долину Меше-хи (хи—по-кистински рѣка). Тутъ, въ маленькихъ аулахъ, живутъ кистины; многочисленныя башни придаютъ этимъ ауламъ видъ настоящихъ разбойничьихъ укрѣпленныхъ гнѣздъ. Башни имѣютъ въ основаніи отъ 2—3 сажень въ квадратѣ и кверху суживаются. Высота ихъ 60-70', нѣкоторыя изъ башенъ наверху открыты, другія имѣютъ крыши въ видѣ маленькой пирамиды. Весьма живописно красуются придѣланные наверху со всѣхъ четырехъ сторонъ крытые балкончики. Типъ кистинскихъ ауловъ такой, же какъ у всѣхъ горныхъ ауловъ. Но, прежде чѣмъ подробнѣе говорить о кистинахъ и ингушахъ, принадлежащихъ къ чеченскому племени, мы сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о чеченцахъ и Чечнѣ.

Чечня, которая прежде на с. доходила до р. Терека, теперь граничитъ Малой Кабардой, р. Сунжей и землей кумыковъ, на в. тѣми же кумыками до станицы Внезапной и р. Акташа, отдѣляющей Чечню отъ лезгинскаго общества Салатавіи, на ю. боковымъ гребнемъ, расположеннымъ впереди Главнаго Кавказскаго хребта до горы Тебулосъ-мта (Дакуахе), Хевсурією и Тушетією, а на з. Дарьяльскимъ ущельемъ. Чечня занимаетъ площадь въ 2,800 квадратныхъ верстъ, причемъ разстояніе между крайними восточными и западными точками вдвое больше, чѣмъ между сѣверной и южной границами. Рѣкой Гойтой страна дѣлится на двѣ неровныя части, налѣво лежитъ Малая Чечня, а направо—Большая Чечня, обитаемая мичиками, качкаликами, ичкеринцами и ауховцами.

Чечня обильно орошается многими рѣками, текущими параллельно, и мѣстами довольно плодородна. Самая большая рѣка Аргунъ, вытекающая изъ Главнаго хребта, между тѣмъ какъ другія рѣки всѣ берутъ начало въ боковомъ хребтѣ. Правильному орошенію способствуетъ также цѣлая система каналовъ.

Прежде вся страна была покрыта богатымъ лѣсомъ, который, главнымъ образомъ, былъ истребленъ во время кавказской войны; онъ еще кое-гдѣ сохранился у устьевъ рѣкъ, отчасти такъ же и въ долинахъ. Сунжа, берущая начало у горы Богучары, принимаетъ другія рѣки, также Аргунъ и Ассу и уноситъ воды ихъ въ Терекъ.

Въ Чечнѣ живутъ чеченцы, число которыхъ по переписи 1897 года простирается до 283421 лицъ об. п. Имя свое получили они отъ разрушеннаго большого аула Чечень, расположеннаго въ нижнемъ теченіи Аргуна. Русскіе дѣлили ихъ на 20 различныхъ племенъ, какъ-то: назрановцевъ, кистинъ, галгаевъ, цориновъ, шатойцевъ, шароецевъ, чабпрлойцевъ, ичкеринцевъ, качкаликовъ и т. д. Народъ самъ не знаетъ этихъ названій. Они сами называютъ себя „нахче“, т. е. народъ, *) и раздѣлялись прежде на „тайпа“, т. е. общества. Говорятъ они на разныхъ нарѣчіяхъ, отличающихся рѣзкими гортанными звуками, и еще мало изслѣдованныхъ; пока ихъ причисляютъ къ лезгинской группѣ языковъ. По изслѣдованіямъ покойнаго А. П. Берже существуетъ не менѣе пяти сказаній о происхожденіи чеченцевъ. По одному преданію они первоначально жили въ Кавказскихъ горахъ, въ мѣстности „Меэста“. Прародителемъ ихъ былъ Молкха или Малкху. Познакомившись съ употребленіемъ оружія, съ лукомъ и стрѣлами, они поселились въ „Нахише“, тамъ, гдѣ теперь лежитъ аулъ Керстенъ-Ахъ или Кіоло. По другому преданію, они происходятъ отъ какого-то аравитянина, по имени Али. Онъ изъ Стамбула бѣжалъ въ Кавказскія горы, гдѣ тогда жили три семейства: Галгой, Акки и Шатой; женился на дочери изъ семейства Галгой и сынъ его, Нахчи, сдѣлался прародителемъ чеченцевъ. Этотъ Нахчи похитилъ на водахъ сѣвернаго Кавказа калмыцкую ханшу и ея рабыню, которыя родили ему пять сыновей. Одни изъ этихъ сыновей поселились высоко въ горахъ, другіе же въ Малой Чечнѣ между рѣками Гехи и Аргуномъ. Эти семейства всѣ носятъ названіе „Нахчуи“ отъ „Нахаша“, первоначальнаго мѣста ихъ поселенія. Третье преданіе гласитъ, что они потомки аравійскаго богатыря Турнала, который сначала поселился въ Кабардѣ, гдѣ и женился. Оттуда онъ переправился черезъ Терекъ въ необитаемую страну. Имя Турнала до сихъ поръ сохранилось въ старинной чеченской пѣснѣ. Если мы вспомнимъ, что г. Терки, недалеко отъ теперешняго Петровска, долгое время былъ важнымъ

*) Нѣкоторые придаютъ слову „нахче“ значеніе: „ѣдящіе сыръ“.

городомъ арабовъ, то не трудно было арабу попасть и въ Чечню. Изъ всѣхъ этихъ преданій очевидно, что народъ чеченцевъ составлялся изъ разныхъ элементовъ.

Собственно говоря, они никогда не представляли объединеннаго народа, и, кромѣ права сильнѣйшаго, никакого права и никакой власти надъ собой не признавали. Такъ какъ они жили въ постоянныхъ распряхъ между собой, то кабардинцамъ и кумыкамъ не трудно было ихъ подчинить себѣ. Только послѣ того, какъ они призвали изъ Гумбета князей Турловыхъ, прося ихъ предводительствовать ими, они на нѣкоторое время объединились и держали сосѣдей въ страхѣ. Тоже самое было въ 1832 году, когда Кази-Мулла призвалъ горцевъ къ газавату, т. е. къ священной войнѣ, тогда они причинили русскимъ много хлопотъ. Еще опаснѣе стали они подъ предводительствомъ наслѣдника Кази-Муллы, Шамиля, который съ 1840 года покорилъ себѣ всю Чечню и раздѣлилъ страну на три наибства. Въ продолженіе почти 25-ти лѣтъ онъ исполнѣ владѣлъ Чечней. Онъ сдѣлалъ въ Чечнѣ наборъ въ 3,000 человекъ, причемъ десять семействъ должны были выставять и содержать по одному всаднику (мутазеку). Но въ виду того, что Шамиль больше боялся, чѣмъ уважалъ, нѣкоторые аулы покорились русскимъ. Жителямъ ауловъ, сдавшихся добровольно, было разрѣшено оставаться въ своихъ аулахъ, жители же ауловъ, взятыхъ силой, были выселены на равнину среди казачьихъ станицъ.

Во время путешествія мнѣ пришлось познакомиться нѣмного ближе съ двумя племенами чеченцевъ, именно съ кистинами и ингушами. По послѣдней переписи на всемъ Кавказѣ числится 6,150 кистинъ, изъ которыхъ приблизительно половина, около 3,000 душъ, живетъ въ долинахъ р. Меше и ея притоковъ Веги-чу, Турсала и Уму-хи. Тутъ насчитывается 14 ауловъ и 230 дворовъ. Самые большіе аулы Терети и Музо (на картѣ Машіе). Долина р. Меше мало плодоносна и, вслѣдствіе суроваго климата, жители принуждены заниматься почти исключительно скотоводствомъ. Они очень бѣдны и часто нужда заставляла ихъ грабить сосѣднихъ хевсуръ, причемъ многіе поплатились жизнью...

Кистины высокаго роста, стройны и крѣпкаго тѣлосложенія, лицо ихъ красиво, овальной формы, носъ орлиный. Въ движеніяхъ своихъ они выказываютъ большую ловкость и грацію, они очень понятливы и имѣютъ большую охоту къ ученію. Съ нами путешествовали два кистина, изъ которыхъ одинъ урядникъ, по имени Цотешъ, изъ Музо, считается самымъ богатымъ

человѣкомъ. Онъ имѣетъ до 500 барановъ, 20 коровъ и 8 быковъ и, кромѣ того, наличными деньгами нѣсколько тысячъ рублей. Богатство его также выражается въ прекрасномъ оружіи. Онъ весьма любезно принялъ насъ у себя и старался угостить какъ можно лучше, и, дѣйствительно, мы нашли у него прекрасный пріютъ. Хотя у него обширный, хорошо сохранившійся замокъ, съ высокими стѣнами и съ высокой башней, но онъ не называетъ себя княземъ. Такихъ вообще не имѣется у чеченцевъ. „Всѣ мы уздени,—говорятъ они,—мы свободны, какъ борсенна (волкъ) и единственную разницу между нами составляетъ большая или меньшая бѣдность“. Въ то время, когда у нихъ еще водились невольники изъ числа военнопленныхъ, эти, вѣрно прослуживъ нѣкоторое время, могли жениться на дочери своего хозяина и тогда становились свободными и равноправными съ другими.

Самый домъ Цотеша, расположенный надъ глубокимъ оврагомъ, представляетъ изъ себя громадную четырехугольную башню въ три этажа съ нѣкоторыми пристройками. Она построена изъ громадныхъ глыбъ шифера сухою кладкою. Пройдя большой мощный дворъ, окруженный высокой стѣной, мы черезъ низенькую дверь вступили въ нижній этажъ; это темное помѣщеніе безъ свѣта, гдѣ помѣщается скоть. Карабкаясь въ темнотѣ по узенькой каменной лѣстницѣ, мы скоро очутились во второмъ этажѣ, гдѣ живутъ женщины. Хотя комнаты эти содержатся чище, чѣмъ у хевсуръ, но онѣ тоже довольно темны и потолки сильно закопчены дымомъ. На стѣнахъ висятъ или стоятъ большіе мѣдные и оловянные тазы, тутъ же помѣщаются большіе сундуки съ богатой рѣзьбой. Полъ земляной; комната плохо освѣщается немногими маленькими отверстіями въ стѣнѣ. Плохая приставная лѣстница ведетъ въ верхній этажъ, въ жилище хозяина, гдѣ помѣщается брачное ложе. Тутъ стѣны увѣшаны разнаго рода оружіемъ и праздничной одеждой хозяина и его женъ. Передъ комнатою плоская крыша образуетъ что то въ родѣ алтана, окаймленного низенькой стѣной. Съ этого высокаго балкона представляется чудный видъ въ долину, на аулъ и гордый замокъ предковъ Цотеша, у подножья котораго стекаютъ два горныхъ потока, Веги-чу и Турсалъ, а тамъ, вдали у истоковъ Веги-чу, бѣлѣютъ снѣжныя вершины Веги-ламъ *) съ нѣкоторыми значительными ледниками; ближе къ

*) „Ламъ“ называются горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ; „корть“—безснѣжныя вершины (груз. „тави“ или татарскій „башъ“—глава). „Арсь“—

намъ, направо, возвышается г. Хасса-Кортъ (11277'), на вершинѣ которой, кажется, уже больше нѣтъ снѣга. Мы находимся на высотѣ не менѣе 6000' футовъ съ прекраснымъ альпійскимъ ландшафтомъ.

Какъ почти всюду въ Чечнѣ, такъ и у Цотеша, рядомъ съ его домомъ, построенъ маленькій флигелекъ изъ двухъ комнатъ для гостей, это такъ называемая „кунацкая“. Въ этой кунацкой мы пріютились. Стѣны этого домика состоятъ изъ сырца и снаружи, и снутри чисто выбѣлены. Въ парадной комнатѣ красуются кровать, столъ и нѣсколько стульевъ, комната отапливается каминомъ. Вдоль стѣны придѣлана широкая полка, на которой лежатъ тюфяки и одѣяла, а подъ ними висятъ турьи шкуры, которыя разстилаютъ на полу, чтобы на нихъ стлать постели. По случаю нашего пріѣзда зарѣзали молодого барана и спекли что то въ родѣ сырниковъ. Вообще намъ оказали очень любезный пріемъ и на другой день хозяинъ, сынъ и нѣсколько родственниковъ его провожали насъ на далекое разстояніе.

Одежда чеченцевъ отличается отъ одежды хевсуръ, носящихъ исключительно черныя или красныя короткія черкески, главнымъ образомъ тѣмъ, что черкески у нихъ изъ желтоватаго, сѣраго и коричневаго сукна и гораздо длиннѣе. Притомъ они носятъ ситцевый бешметъ, суконные штаны, легкіе чевяки и баранью шапку. Для прогулокъ по горамъ они надѣваютъ болѣе крѣпкую обувь изъ буйволиной кожи. Часто встрѣчается также обувь, подошву которой составляетъ веревочная сѣть, на которую кладутъ мягкую траву. Такая обувь тонкими ремнями прикрѣпляется къ суставамъ. Женщины носятъ красныя юбки и такого же цвѣта шаровары и ходятъ босикомъ; лица не закрываютъ.

Кистины отдѣлены отъ ингушей высокимъ горнымъ хребтомъ, возвышающимся во многихъ мѣстахъ до области вѣчнаго снѣга. По альпійскимъ лугамъ съ весьма скудной травой мы поднимаемся большими зигзагами до перевала, высота котораго немного меньше 10000 футовъ. Дорогой Цотешъ намъ показалъ свою баранту, находившуюся на высокомъ пастбищѣ. Намъ бросилось въ глаза громадное число барановъ съ четырьмя рогами, такихъ мы никогда раньше не приходилось видѣть. На самомъ

названіе горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Народъ рассказываетъ, что горы (ламъ), покрытыя вѣчными снѣгами и льдомъ, добровольно согласились въ этой жизни переносить всѣ страданія, чтобы въ той жизни наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Ибо, по вѣрованію чеченцевъ, всѣ живыя и безжизненные существа должны по смерти страдать за свои грѣхи.

перевалъ мы наткнулись на незначительныя снѣжныя поля; одно изъ нихъ имѣло яркую кровавокрасную поверхность. Этотъ красный цвѣтъ, такъ же какъ и, такъ называемый, кровавой дождь, происходитъ отъ массы маленькихъ красныхъ организмовъ. Цвѣтовъ, отъ цвѣточной пыли которыхъ могла бы происходить такая окраска снѣга, я не могъ замѣтить. Вообще растительность тутъ наверху замѣчательно скудная, я тутъ нашелъ только нѣсколько низкихъ представителей травъ и близко къ вѣчнымъ снѣгамъ растущіе *Alsine* и *Draba*; за то при спускѣ флора становится мало по малу богаче. Тутъ, въ первый разъ на Кавказѣ, я увидѣлъ еще на довольно значительной высотѣ красивый цвѣтокъ *Dryas octopetala* и ниже, въ березовой рошѣ, *Pirola secunda*. Въ самомъ низу, въ долинѣ, уже поспѣли черныя ягоды растенія *Vaccinium myrtillus* (черника), которыя намъ показались особенно вкусными. Переходъ черезъ перевалъ былъ для насъ довольно затруднителенъ, въ особенности полуторачасовой спускъ по скользкой травѣ и гладкому шиферу далъ себя почувствовать нашимъ ногамъ, такъ что мы нуждались въ довольно долгомъ отдыхѣ, и прошло много времени, прежде чѣмъ мы опять сѣли на лошадей. Скоро мы достигли аула Гули, гдѣ тамошніе чапары насъ встрѣтили съ большими почестями. Среди нихъ выдѣлялся молодой ингушъ съ живымъ умомъ. Онъ хорошо говорилъ по-русски, былъ грамотенъ и стремился усовершенствовать свои знанія. Онъ упрашивалъ насъ, чтобы мы непременно прислали ему книгъ для чтенія, что нами и было исполнено по пріѣздѣ во Владикавказъ.

Мы теперь очутились въ долинѣ Аси-чая, но скоро, по кратчайшему пути поднявшись на невысокій перевалъ, пріѣхали къ его притоку Цори-хи, на правомъ берегу котораго живописными террасами расположенъ аулъ Цори. Многочисленныя башни тутъ выбѣлены съ наружной стороны сверху до низу и вслѣдствіе этого выглядятъ привѣтливѣе, чѣмъ мрачныя, сѣрыя или черныя башни другихъ ауловъ, даже надгробные памятники всѣ выбѣлены. Замѣчательно то, что на могилѣ впереди ограды изъ камней, расположенныхъ въ формѣ прямого четырехугольника въ семь футовъ длины и три фута ширины, поставленъ еще въ головахъ плоскій камень, вышиною въ сажень.

Среди этихъ ящикообразныхъ памятниковъ красуется также нѣсколько мавзолеевъ въ арабскомъ стилѣ, какіе часто можно видѣть на сѣверномъ Кавказѣ, въ Кабардѣ и въ Осетіи. Недалеко отсюда, у хутора Ліешти, мы опять пріѣхали въ долину Аси-чая. Какъ и всюду въ этой мѣстности, такъ и тутъ, при

соединеніи двухъ рѣкъ, красуется на горѣ маленькая крѣпость. Слѣдуя по теченію рѣки, мы ѣхали въ лиственномъ лѣсу, гдѣ цвѣтушія липы распространяли чудный аромат; позже встрѣчаются группы *Pinus sylvestris* и *Tamarix*. Очень живописный характеръ долина принимаетъ у аула Биркѣ. Тутъ рѣка проложила себѣ путь въ узкой тѣснинѣ среди громадныхъ скалъ, большія глыбы которыхъ обвалились въ русло, такъ что вода, пѣнясь, падаетъ черезъ нихъ причудливыми водопадами, а по сторонамъ и на ближайшемъ холмѣ, будто на стражѣ, стоятъ хорошо сохранившіяся башни. Уже стемнѣло, когда по узкой тропѣ, фланкированной высокими башнями, мы въѣхали въ большой, когда-то сильно укрѣпленный аулъ Пуй. Тутъ, какъ и въ Мусо, въ чистой кунацкой мы нашли радушный приѣмъ и хорошей ночлегъ.

Недалеко отъ аула Пуй лежитъ старинное христіанское святилище Чаба-Эрда (или Тхаба-Эрда), которому прежде поклонялись и ингуши. Трудно себѣ представить что-либо оригинальнѣе и загадочнѣе развалинъ этой церкви. Въ особенности поражаютъ путешественника оригинальныя украшенія наружныхъ стѣнъ самой церкви. Церковь представляетъ изъ себя базилику отъ 7 до 8 саженой въ длину. Притворъ съ колоннами и боковой корабль, который съ сѣверной стороны примкнулъ къ главному корпусу, совершенно развалились. Порталъ, обращенный на западъ, имѣетъ романскую дугу. Такой же стиль имѣетъ дверь на южной сторонѣ. Обѣ очень низки. Маленькія оконныя отверстія наверху оканчиваются заостренной готической дугой. Употребленные для этого куски камня представляютъ сегменты большого круга, изъ чего можно предположить, что они раньше служили для другой цѣли. За то окна съ восточной стороны украшены красивыми древнероманскими дугами. Вокругъ всего зданія наверху замѣчаются остатки прекраснаго карниза, въ два фута вышиною, состоящаго изъ длинныхъ плитъ, выступающихъ сверху и украшенныхъ разнообразными рисунками, которые рѣзко отличаются отъ орнаментовъ грузинскихъ церквей. Рядомъ съ листьями аканта и виноградными кистями встрѣчаются красивыя арабески. Каждая плита имѣетъ своеобразные рисунки. За то большіе горельефы, которые красуются на восточной и западной стѣнахъ, своими примитивными рисунками далеко не соотвѣтствуютъ высокому художественному стилю карниза. Надъ западнымъ порталомъ, въ полукругѣ, изображена фигура на епископскомъ престолѣ подъ балдахинномъ. Руки сложены надъ крестомъ, изваяннымъ на груди. Съ

правой стороны приближается другая фигура, одѣтая въ кафтанъ, опоясанный мечомъ; въ правой рукѣ она держитъ крестъ; а съ лѣвой стороны третья фигура въ рукахъ держитъ какой-то предметъ, котораго нельзя разобрать. На плечахъ эта фигура несетъ толстую палку съ виноградными листьями на концахъ; платье украшено крестами. Надъ фигурами парятъ ангелы. Съ правой и съ лѣвой стороны замѣтны какіе-то знаки, похожіе на буквы. У всѣхъ фигуръ борода имѣетъ форму латинской буквы W. Внизу вдоль этого большого рельефа тянется красивая узкая лента съ украшеніемъ, напоминающимъ греческую букву Ω. Го-рельефъ на восточной сторонѣ гораздо меньше и сильно испорченъ. На немъ представляются Іосифъ и Марія съ младенцемъ, которымъ идутъ навстрѣчу двое мужчинъ со львомъ; не волхвы ли это? На разныхъ мѣстахъ, въ особенности на южной стѣнѣ, вставлены каменные капители, незначительно выступающіе. На нихъ изображены очень странныя вещи, которыя въ этой отдаленной и трудно доступной мѣстности Кавказа прямо васъ поражаютъ. На одной капители мы видимъ стрѣлка изъ лука, на другой—геральдическаго льва, на третьей—борющихся между собой однорогихъ животныхъ, на четвертой—епископа въ митрѣ благословляющаго, на пятой—бюстъ венеціанскаго дожа... Внутренность церкви съ перваго взгляда доказываетъ, что строители были еще слабые архитекторы: правильнаго сплошнаго свода еще не могли построить, поэтому вмѣсто него построили подрядъ четыре ульеобразныхъ свода (по туземному „darbas“), открытая верхушка которыхъ заложена каменной плитой. Благодаря выступающимъ изъ стѣнъ столбамъ, на которые опираются эти своды, съ обѣихъ сторонъ образуются по три ниши. Въ апсидѣ, образующемъ нишу на сводахъ, вдоль стѣны помѣщаются каменные скамейки и въ срединѣ стоитъ епископскій престолъ. Поперекъ зданія, отъ пола на высотѣ 1½ сажени, на нѣ которомъ разстояніи другъ отъ друга, крѣпкія балки входятъ въ стѣны. Онѣ, должно быть, служили когда-то для подмостковъ при постройкѣ или ремонтахъ, такъ и были оставлены.

Сколько мнѣ извѣстно, никакихъ точныхъ извѣстій объ этой удивительной постройкѣ не имѣется и напрасно мы также ищемъ въ нашей литературѣ ея подробное описаніе. По преданію она была построена въ 12-мъ столѣтіи въ царствованіе царицы Тамары. Хотя многое говоритъ за древность этой церкви, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы тутъ имѣемъ дѣло со многими прибавленіями не столь отдаленныхъ временъ, кото-

рыя Богъ знаетъ откуда и кѣмъ были привезены сюда и вставлены въ стѣны. Во всякомъ случаѣ, мы на этотъ памятникъ христіанской архитектуры должны смотрѣть пока какъ на загадку, представляющую высокій интересъ для изслѣдователей-спеціалистовъ.

Въ двухъ-трехъ верстахъ отъ аула Пуй рѣчка Аси-чай впадаетъ въ р. Ассу, берущую начало въ сѣверо-западной Хевсуріи. Рѣка тутъ еще не отличается быстрымъ теченіемъ и имѣетъ нѣсколько футовъ глубины. По обѣимъ сторонамъ расположены многочисленныя аулы ингушей. Со своими высокими башнями среди зеленыхъ луговъ и пашень они представляютъ довольно живописную картину, на заднемъ фонѣ которой высокая цѣпь причудливыхъ сѣрыхъ скалъ съ краснымъ отливомъ подымается высоко къ небесному своду. Но скоро картина измѣняется. Скалы ближе подступаютъ къ самой рѣкѣ, не видно больше человѣческихъ жилищъ, а рѣка становится все бурнѣе. Подобно разъяренному звѣрю, рѣка, обратившись въ бурный потокъ, неистовствуетъ въ узкой тѣснинѣ и съ ревомъ перебрасываетъ свои пѣнистыя воды черезъ громадныя скалы, которыя какъ будто хотятъ загородить ей путь. Отъ этого неистоваго рева будто трясутся высокіе утесы и постоянно сбрасываютъ въ русло маленькія и большія глыбы. На громадномъ обломкѣ скалы, лежащемъ въ самой срединѣ воды, красуется старая крѣпость, когда-то угрожавшая путнику, но теперь насъ ничто не задерживаетъ. Частые мосты перекинута черезъ рѣку. Хотя берега съ обѣихъ сторонъ довольно круто поднимаются, склоны все-таки заросли красивымъ лѣсомъ, почти до самыхъ вершинъ. Въ этомъ отношеніи долина Ассы живо напоминаетъ долину бокарскаго Чорока (см. мою статью въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, вып. XXV). Намъ доставляло большое наслажденіе ѣхать рядомъ съ бушующей рѣкой, въ тѣни цвѣтущихъ липъ и другихъ деревьевъ, на вѣтвяхъ которыхъ многочисленныя легкокрылыя птицы пѣли свои веселыя пѣсни. Р. Асса имѣетъ со многими кавказскими горными потоками ту особенность, что она въ верхнемъ теченіи мѣстами сравнительно спокойна, но тамъ только проявляетъ свои демоническія силы, гдѣ прорывается черезъ горную цѣпь, которая препятствуетъ ея пути. Это мы видимъ у Терека, Аргуна и другихъ. Но если мы сравнимъ долины этихъ трехъ рѣкъ, то по очаровательной красотѣ и величественности Терекъ уступаетъ Аргуну, а этотъ опять далеко уступаетъ р. Ассѣ. Кто хочетъ видѣть величественную дикую природу, соединенную съ

миловидностью и нѣжной красотой, тотъ долженъ посѣтить эту долину Ассы, отстоящую отъ Владикавказа не болѣе какъ на какихъ нибудь тридцать-сорокъ верстъ. Если когда-нибудь проектъ проведенія желѣзной дороги по долинѣ Ассы приведется въ исполненіе, то путешественнику удастся тутъ видѣть одинъ изъ самыхъ чудныхъ горныхъ пейзажей всего міра. Пока, правда, это высокое наслажденіе предоставлено только очень немногимъ счастливцамъ, которыхъ служебныя обязанности или научныя изслѣдованія приводятъ сюда.

Съ истиннымъ сожалѣніемъ мы скоро должны были разстаться съ чудной долиной, такъ какъ наша дорога лежала влѣво. Въ прекрасномъ первобытномъ лѣсу, состоящемъ изъ клена, ясени, бука, ольхи и др., мы поднимались къ высокому перевалу, окутанному, къ сожалѣнію, въ густой туманъ. Отъ перевала длинный спускъ все время лѣсомъ идетъ къ рѣкѣ Камбилевкѣ и къ ингушскому аулу Бартабосъ. Тутъ уже лѣсъ рѣдѣетъ и скоро передъ нами открывается просторная равнина и вдали виднѣется большая станица Терская. Прибывъ туда, мы отпустили проводниковъ съ верховыми лошадьми и на дорогахъ въ тотъ же вечеръ достигли до г. Владикавказа.

Сообщимъ въ заключеніе еще нѣсколько свѣдѣній объ ингушахъ^{*)}. Ингуши изъ народа „нахче“ самое западное племя, они доходятъ до военно-грузинской дороги. Главнымъ образомъ, они обитаютъ въ долинахъ р. Ассы и ея притоковъ: р. Цорихи, Аси-чай, Барту, Тобатшошъ, Камбилевки, въ ея верхнемъ теченіи, и р. Армсъ-хи, впадающей въ Терекъ. Они составляютъ часть сунженскаго округа, Терской области, въ центрѣ и на югѣ его. Сосѣди ихъ: на с. кабардинцы, на ю. тушины и хевсуры и горные грузины, на з. осетины, на в. другія чеченскія племена. Въ горахъ живутъ четыре общества (Джерахъ, Мецхаль, Цори, Хамхи), а на равнинѣ два: Назрань и Галошень. Ауловъ у нихъ насчитывается до 146 съ 7973 дымами. По послѣдней переписи 1896 года число ихъ доходитъ до 30000 (въ 1880 годахъ—40000). Менѣе одной шестой части ихъ живетъ въ горахъ. Число женщинъ значительно уступаетъ числу мужчинъ.

Имя свое ингуши получили отъ аула Ангушта или Ингушта, существовавшаго когда-то на Камбилевкѣ. Сами они себя называютъ „ламуръ“, т. е. горцы, отъ слова „ламъ“—гора. Но

^{*)} См. „Чечня и чеченцы“ А. П. Берже 1859; „Чеченское племя“ чеченца Лаудаева въ „Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, вып. VI, 1872, и статью Ахріева въ томъ же сборникѣ за 1875 годъ.

что ингуши не всегда жили въ землѣ, нынѣ имъ обитаемой, можно заключить изъ разныхъ преданій, изъ которыхъ сообщаемое ингушемъ Ахріевымъ больше всего заслуживаетъ довѣрія. Это преданіе слѣдующее:

„Давнымъ-давно жилъ человѣкъ Солса. Люди жили тогда подъ землею въ большихъ подвалахъ, выложенныхъ камнемъ; эти подвалы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранились до сихъ поръ. Солса не родился отъ обыкновенной женщины, а прямо произошелъ отъ Бога... Въ одно время съ Солса жили въ горахъ джелти (греки); они были народъ трудолюбивый и образованный, хотя не такъ какъ теперь; они были хорошіе строители и построили много башенъ и замковъ; кромѣ того, они оставили въ разныхъ мѣстахъ большіе клады. Они уѣхали отъ насъ въ какую-то другую сторону. Послѣ джелтовъ жили „вамположъ“, между ними были двуротые. Одна женщина родила двухъ мальчиковъ, одноротаго и двуротаго. Однажды братья вышли на охоту; лѣса въ то время тамъ не было, а росъ небольшой кустарникъ. Въ то время въ Терской долинѣ жили кабардинцы; одинъ кабардинецъ ходилъ въ кустахъ. Братья напали на него и захватили въ плѣнъ. Въ скоромъ времени на вамположъ разсердился Богъ и они начали умирать. Кабардинецъ, бывшій въ плѣну у вамположъ, воротился въ Терскую долину, взялъ съ собой кабардинку, и, привезши ее въ горы, женился на ней. Отъ этого брака произошли горскіе ингуши. Въ то время умеръ одинъ кабардинскій князь, жившій въ Терской долинѣ; жена его никому не сказала о смерти своего мужа, днемъ она прятала трупъ въ уединенномъ мѣстѣ, ночью приносила съ собою саклю и оплакивала его. Черезъ нѣсколько времени кабардинцы узнали о смерти своего князя, взяли его и похоронили, а потомъ собрали свое имущество и выселились дальше на плоскость, недалеко отъ Тультова аула. Отсюда кабардинцы весьма часто нападали на вамположъ, грабили ихъ жилища и убивали ихъ, или уводили въ плѣнъ. Вамположъ разсердился на кабардинцевъ и, въ свою очередь, напали на нихъ; послѣдніе испугались и выселились еще дальше на равнину. Вамположъ разрушили всѣ жилища и забросали ихъ камнями; эти камни и до сихъ поръ лежатъ на томъ же мѣстѣ. Въ то время самымъ употребительнымъ оружіемъ былъ лукъ, а у нѣкоторыхъ ружья, но не такія, какъ теперь, а съ фитилями. Послѣ того, какъ вамположъ прогнали кабардинцевъ, они такъ и остались на этомъ мѣстѣ“.

По мнѣнію Ахріева, остатки многихъ свѣтскихъ и церков-

ныхъ построекъ доказываютъ, что греки (византійцы) когда то жили въ этихъ мѣстностяхъ. Подъ „двуротыми“ онъ подразумеваетъ людей съ зобами. Но такъ какъ зобъ тутъ нигдѣ не встрѣчается, то вамположъ, должно быть, были иностранцы. Я попытаюсь иначе объяснить „двуротыхъ“. Очень можетъ быть, что такъ называли людей въ полномъ вооруженіи съ шлемами, забрала которыхъ легко можно было сравнить со вторымъ ртомъ.

Какъ явствуется изъ приведеннаго наивнаго дѣтскаго сказанія, въ жилахъ ингушей течетъ кабардинская и черкесская кровь. Но навѣрно происходило также смѣшеніе съ сосѣдними осетинами, потому что разные обычаи при заключеніи брака, при рожденіи ребенка, а также нѣкоторые семейные праздники, какъ то Новый годъ, праздникъ св. Ильи и Троицы, безъ сомнѣнія, введены были осетинками-матерями.

Чистаго типа и тутъ нельзя найти, но въ общемъ можно сказать, что ингуши средняго роста, тощи и стройны, черты лица рѣзкія, глаза живые съ выраженіемъ лукавства, цвѣтъ лица смуглый, волосы черные, носъ орлиный, борода не густая. Въ своей одеждѣ не отличаются отъ другихъ кавказскихъ племенъ.

Хотя нельзя сказать, чтобы ингуши были бѣдны, но живутъ они очень бѣдно, часто нѣсколько семействъ вмѣстѣ помѣщаются въ темномъ, башнеобразномъ домикѣ. Въ темныя и почернѣвшія отъ дыма жилища помѣщенія ведетъ темный узкій ходъ. Въ срединѣ съ потолка виситъ котелъ. Вдоль стѣны придѣланы низкія деревянныя скамейки, пыльные и грязныя, и на нихъ разставлены разныя домашнія принадлежности хозяйства. Къ счастью для путешественника у болѣе состоятельныхъ жителей имѣется кунацкая, гдѣ можно даже съ нѣкоторымъ удобствомъ пріютиться.

Главное занятіе ингуша земледѣліе и скотоводство, а на равнинѣ также и садоводство, преимущественно у нихъ выращиваютъ арбузы. Изъ злаковъ мы въ горахъ встрѣчаемъ ячмень и немного овса, на равнинѣ же кукурузу. Прекрасныя пастбища и сѣнокосы позволяютъ держать много скота, а также и немало лошадей. На 100 человекъ здѣсь приходится 65 штукъ крупнаго скота, а мелкаго до 183 штукъ.

Къ сожалѣнію, ингуши не пользуются хорошей репутаціей. Нигдѣ не бываетъ столько кражъ и грабежей какъ у нихъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними. Многіе путешественники, проѣхавшіе по военно-грузинской дорогѣ, у которыхъ привязанный сзади къ экипажу багажъ былъ отрѣзанъ и украденъ,

могутъ объ этомъ засвидѣтельствовать. Правительство старается строгими наказаніями предупредить подобные случаи; прекрасной мѣрой для этого оказывается привлеченіе къ ответственности всѣхъ ближайшихъ къ мѣсту преступленія ауловъ. Благодаря этому, виновные, обыкновенно, скоро и легко обнаруживаются. Но не только какъ воры и разбойники, ингуши страшны также изъ за своей мстительности. Поджоги и даже взрывы домовъ ненавистныхъ имъ людей случаются нерѣдко.

Прибавимъ еще кое-что о религіи народа. Нѣтъ сомнѣнія, что раньше они были христіанами. Помимо развалинъ древнихъ церквей, на это указываютъ названія дней недѣли. Хотя ингуши, какъ магометане, начинаютъ недѣлю съ пятницы, все-таки понедѣльникъ у нихъ называется „оршуть“, т. е. первый, вторникъ—„шинера“, т. е. второй, среда—„хкара“, т. е. третій, суббота—„шабать“ (шудтъ) и воскресенье—„хиру-де“, т. е. день Господній (отъ греческаго *κύριος*). Теперь ингуши большею частью магометане, христіане и язычники среди нихъ рѣдки. Но настоящая религія ихъ, какъ почти у всѣхъ кавказскихъ горцевъ, странное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ религій въ соединеніи съ самымъ ужаснымъ суевѣріемъ. Почти всякое общество имѣетъ свои особенные религіозные обычаи, свои святилища, своихъ боговъ и идоловъ. Магометане-галгаи молятся по ночамъ передъ четырехугольными каменными колоннами, вышиною въ сажень, на холмахъ и кладбищахъ. Вся молитва состоитъ въ томъ, что молящійся кладетъ голову въ маленькое углубленіе у восточной стороны колонны. Почти повсемѣстно встрѣчается поклоненіе идолу Гушмиле (см. „Исторію войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ т. I, стр. 383). Странно у нихъ поклоненіе скелетамъ, сохраняемымъ въ каменномъ домикѣ у Назранскаго аула. Скелеты эти, происходящіе, по преданію, отъ „нартовъ“, „только со времени прибытія русскихъ стали тлѣть“. Они покрыты зеленымъ сукномъ изъ Мекки. Бога ингуши называютъ „дайла“ или „дела“. Высшій священникъ, носящій эпитетъ „святого“, прежде жилъ на высокой горѣ въ каменной церкви, недалеко отъ развалинъ аула Ангушта. Приближаясь къ этой церкви, ингуши падаютъ ницъ и не осмѣливаются войти во внутрь. Тутъ они приносятъ жертвы и больные ищутъ тамъ исцѣленія, причемъ строятъ хижины вблизи святилища.

Въ Новый годъ, который празднуется за три дня до христіанскаго Нового года, всѣ ингуши всѣхъ возрастовъ, отправляются на горы, чтобы принести жертву святому Галиерду. Ему

же посвящены развалины христіанскихъ церквей. Жертва эта состоитъ изъ грубо отлитыхъ свинцовыхъ пуль. Передъ жертвоприношеніемъ зажигаются свѣчи, а послѣ устраивается пиршество. Ингуши также высоко почитаютъ святилища кистинъ, которыя посвящены святому Георгію, Богородицѣ и святой Маріи. Тутъ приносятъ въ жертву рога. Самый главный праздникъ пятого іюня.

Въ виду того, что описанное здѣсь путешествіе мы очень быстро окончили, благодаря большимъ дневнымъ переходамъ и хорошей погодѣ, намъ оставалось еще нѣсколько дней для военно-грузинской дороги. Въ прохладномъ и свѣжемъ воздухѣ станціи Казбекъ мы лучше могли оправиться послѣ утомительнаго пути, чѣмъ въ жаркомъ Владикавказѣ. Обыкновенно со станціи Казбекъ отправляются на Девдоракскій ледникъ, который, благодаря нѣкоторымъ удобствамъ, легко доступенъ. Мы предпочли посѣтить другой ледникъ на западной сторонѣ великана Казбека, называемый Чацкимъ. Эту экскурсію, занимающую не болѣе одного дня для хорошихъ пѣшиходовъ, я могу рекомендовать всѣмъ любителямъ природы. Мы поднимались по широкому хребту, на краю котораго красуется церковь Степанъ-Цминда, по прекраснымъ альпійскимъ лугамъ, покрывающимъ довольно крутые склоны, все время имѣя передъ собой снѣжную пирамиду Казбека. Только глубокій оврагъ насъ еще отдѣляетъ отъ правой боковой морены ледника. Съ трудомъ мы спускаемся по большимъ глыбамъ скалъ и, взобравшись на названную морену, находимся совсѣмъ близко къ леднику, нижній конецъ котораго довольно отлогій, такъ что не трудно ходить по немъ. За то берега ледника съ обѣихъ сторонъ очень круты и скользки, такъ что тутъ приходится спускаться на четверенькахъ. Ледникъ имѣетъ въ ширину не менѣе 500 футовъ. За версту отъ конца ледникъ расширяется и образуетъ большіе ледяные каскады. Тутъ намъ представляется странная игра природы. Вблизи этихъ ледяныхъ каскадовъ живой ледниковый ручей, вытекающій изъ одного языка ледника, пѣнясь, значительнымъ водопадомъ ниспадаетъ на ледникъ и исчезаетъ подъ нимъ. Около ледника, на старой моренѣ, среди грудъ камней я нашелъ многочисленные и большіе экземпляры желтой альпійской фіалки (*Viola biflora*), которую раньше только разъ видѣлъ на Кавказскихъ горахъ, а именно на г. Амуго возлѣ Борбало. Цвѣты больше чѣмъ у обыкновен-

ной *Viola tricolor* (анютины глазки), свѣтложелтые съ черными полосами, листья низкіе и величиною съ чечевицу. Также въ первый разъ я встрѣтилъ здѣсь миниатюрный граціозный можжевельникъ *Juniperus nana*. Издали онъ похожъ на мохъ, имѣетъ очень жесткія иглы съ бѣлыми полосами на обратной сторонѣ. На немъ было много почти уже спѣлыхъ темныхъ ягодъ. Въ остальномъ флора была очень бѣдна... Не обошлась наша экскурсія безъ приключенія. Одинъ изъ моихъ спутниковъ имѣлъ несчастіе при переходѣ черезъ маленькій, но стремительный ручей, вытекающій изъ-подъ ледника, упасть въ воду, которая его увлекла съ собой на нѣкоторое разстояніе, причемъ онъ довольно сильно ударился грудью о камень. Съ помощью одного изъ насъ онъ, мокрый насквозь, выбрался на берегъ. Быстро мы сняли съ него платье, укутали въ наши плащи и положили его на солнце грѣться, а мокрую одежду развѣсили для сушки. Очень уставшіе уже ночью мы возвратились на станцію.

Съ другой станціи, съ Пассанаура, мы предприняли еще маленькую прогулку въ долину Черной или гудамакарской Арагвы, по которой прежде пролежала военно-грузинская дорога, поднимаясь къ перевалу Кванамоки (около 8000'). Дорога эта, спускаясь на сѣверномъ склонѣ, по долинѣ рѣки Цно, соединялась немногимъ выше станціи Казбекъ съ теперешней военно-грузинской дорогой. Она насъ интересовала, потому что ровно 100 лѣтъ тому назадъ пришли по ней въ Закавказье первыя русскія войска. Отъ этой старой достопамятной дороги осталось мало слѣдовъ. Природными красотами долина Черной Арагвы похвалиться не можетъ; она слишкомъ широкая и растительность тамъ довольно скудная, такъ что нынѣшній путь къ Млетамъ гораздо красивѣе.

К. О. Ганъ.